CRIME & PRIVATE

анна

Данилова

КРАСИВАЯ, БОГАТАЯ, МЕРТВАЯ...

Кому нечего скрывать, тому нечего бояться...

Анна Васильевна Данилова

Красивая, богатая, мертвая…

Серия «Crime & private»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6887307
Анна Данилова. Красивая, богатая, мертвая…: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70887-1

Аннотация

Красивая, богатая и такая мертвая… Ирину Виноградову нашли недалеко от проезжей части, в придорожных кустах. Высокомерную стерву, роскошную хищницу переехали машиной – причем несколько раз. Единственный подозреваемый – жених убитой – Дмитрий Родионов всячески отрицает свою причастность к трагедии. Но ему, к сожалению, верят только адвокат Лиза Травина и ее помощница Глафира. Ведь улик против Дмитрия предостаточно: и мотив преступления, и отпечатки обуви возле жертвы, и даже громкая ссора между бывшими возлюбленными. Адвокат Лиза Травина в своей работе привыкла всегда докапываться до истины, и в этом случае ее ничто не остановит. Разве что начавшиеся романтические отношения между лучшей подругой и главным фигурантом дела… Уж очень быстро Родионов стал забывать свою бывшую невесту…

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	61
Глава 8	78
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Анна Данилова
Красивая, богатая, мертвая…

Глава 1

15 июня 2011 г.

– Глаша, остановись, и так все блестит. Не приемная адвоката, а какой-то гламурный салон… Я говорила тебе, что эти ковры будут лишь раздражать наших клиентов… Кто побогаче, станет нам завидовать, а бедные еще начнут разуваться на пороге…

Расположившись за огромным письменным столом с чудесной лампой «тиффани», которую Глафира включила, едва наступили сумерки, и разноцветные блики которой теперь горели на аккуратных стопках документов, Лиза то и дело посматривала на дверь. Безусловно, ей и самой нравились все те новшества, которыми Глаша, насмотревшись английских сериалов, украсила приемную. И хотя все это – и ковры, и портьеры, и светильники, не говоря уже о старинном шкафчике, набитом фарфоровыми статуэтками («Это, моя дорогая Лиза, коллекция старинного фарфора, видишь,

преимущественно лошадки!»), – стоило больших денег, тем не менее радовало и вносило в их трудную, полную опасностей жизнь элемент простительного чудачества и легкомысленной роскоши.

Лиза Травина, известный в городе адвокат, даже под дулом пистолета никогда никому не призналась бы в том, что общество верной помощницы, ее правой руки Глафиры Кифер, придает ей силы и наполняет жизнь особым смыслом. Возможно, если бы не природная гибкость ума Глаши и ее удивительная способность внушить Лизе пользу ее широкого диапазона действий, Лиза давно бы уже отказалась от девяноста процентов своей потенциальной деятельности. Тупо защищала бы своих клиентов, сидя за столом и изучая дела, как это делают практически все адвокаты, толкала бы речи в суде, не более. И уж точно не занималась бы поисками пропавших людей или частным расследованием, не брала бы на себя ответственность судить клиента… Сколько раз Глафира была свидетелем того, как Лиза, вычислив убийцу, не сдавала его полиции, а наоборот, всячески помогала избежать наказания… И все это она делала не столько за деньги, сколько по совести, оценивая убийцу именно как жертву…

И даже рождение ребенка, маленькой Магдалены (которой не так давно исполнилось семь месяцев), не повлияло на ее семейную жизнь – никакие уговоры мужа, Дмитрия Гурьева, не убедили Лизу отказаться от расследований или вообще хотя бы что-то изменить в ее профессиональной сфере.

Магдалена развивалась под присмотром опытной няни, Гурьев продолжал свою адвокатскую деятельность преимущественно за границей, а Лиза с Глафирой по-прежнему занимались любимым делом, вытаскивая своих клиентов из трудных ситуаций, разыскивая пропавших, но чаще все же занимаясь поисками настоящих убийц.

Жизнь продолжалась.

За окном благоухал теплый июньский вечер, с минуты на минуту должен был прийти хороший знакомый Лизы – Дмитрий Родионов. Бизнесмен, владелец крупной строительной организации, серьезный человек, да к тому же еще и молодой, тридцати двух лет.

– Глаша, ты слышишь меня? Угомонись. Пыли уже нигде нет, говорю же! Иди, приведи себя в порядок, он должен прийти с минуты на минуту.

– Пока ты не скажешь мне, женат он или нет, не остановлюсь… – улыбнулась Глафира, полненькая рыжеволосая молодая женщина с веселыми карими глазами и белозубой улыбкой. Зеленые бриджи и оранжевая блузка Глаши сильно раздражали Лизу, которая предпочитала во всем классический стиль и собиралась встретить своего друга в черных брюках и стального цвета шелковой блузке, однако, зная взрывной и обидчивый характер своей помощницы, она заставляла себя сдерживаться и все еще держала язык за зубами. Хотя так и хотелось вслух сравнить ее с попугаями…

– Он не женат, это я знаю точно. Хотя время идет, и кто знает, может, он вчера кого-то встретил и уже успел сделать предложение… Словом, пока я тебе ничего сказать не могу. К тому же ты прекрасно знаешь, что он позвонил всего час назад, поэтому подготовиться и собрать всю информацию о потенциальном клиенте я просто бы не успела. Остается только дождаться его и обо всем расспросить лично.

– А что, если он решил зайти к тебе просто так? На чашку чаю?

– Глаша, ты можешь мне назвать хотя бы одного человека, который переступал порог нашего с тобой офиса исключительно для того, чтобы выпить чаю и справиться о моем здоровье?

Глаша ответить не успела, поскольку раздался звонок, и обе женщины вздрогнули.

– Что-то очень уж громкий звонок. – Глафира, пожав плечами, направилась к двери. – Надо бы поменять.

Через минуту в кабинет вошел высокий представительный человек в светлых брюках и черной рубашке. Слегка загоревший, с открытым приятным лицом, аккуратно уложенными самой природой волнистыми черными волосами и голубыми глазами. Видно было, что улыбался он с трудом. Глафира поняла, что Лиза была права – этот господин пришел сюда не для того, чтобы выпить чаю. Уж слишком явно на его лице читалось страдание.

– Привет, Дима, – Лиза поднялась навстречу своему при-

ятелю. – Проходи, располагайся. Чай? Кофе?

– Если можно, воды, – попросил он, усаживаясь в предложенное ему Лизой кресло напротив нее.

Глаша, сгорая от любопытства, молниеносно справилась со своей привычной обязанностью, и уже через несколько секунд перед Дмитрием стоял стакан с водой.

– Познакомьтесь, это Глафира – моя помощница, а это, Глаша, Дмитрий Родионов, мой хороший друг.

Глаша подумала, что Лиза, вероятно, тоже отметив удручающее состояние своего гостя, решила представить его именно как друга.

– Что случилось, Дима? Здесь ты можешь быть откровенен и рассказать все, что привело тебя ко мне.

– Откровенность… – он слабо усмехнулся, что не могла не заметить внимательно наблюдавшая за ним Глафира. – Что-то в последнее время мне все меньше и меньше кажется, что в нашем обществе вообще допустима откровенность… Ты извини, Лиза, это я так, о своем… Надеюсь, ты понимаешь, что к тебе все это не имеет ни малейшего отношения. Да, безусловно, я буду с тобой откровенен. Хотя пока что никаких особых тайн от общества у меня как будто бы нет. Просто не так давно я познакомился с девушкой, очень красивой девушкой, ее зовут Ирина. Мы собирались пожениться. Но вчера, когда мы были в гостях у Мусинцов…

– У кого? – переспросила его Лиза.

– Саша Мусинец, это мой друг, мы были вчера у него в

гостях, его жена, Рита, отмечала свой день рождения. И вот там, на этом ужине, и произошло нечто, что заставило меня хорошенько призадуматься над перспективой сделать Ирину своей женой. Но ты свой человек, а потому скажу все как есть: я застал ее на кухне, когда она целовалась с другим мужчиной.

– Ирина? Ирина целовалась?

– Ну да! Я понимаю, она выпила, возможно, этот тип и сам набросился на нее со своими поцелуями, такое иногда бывает с пьяными… Но что самое ужасное, она как будто нисколько не сожалеет о случившемся.

– Подожди. Давай по порядку. Ты ее застал, и что было дальше?

– Я схватил ее за руку и потащил к выходу. Главным для меня тогда было, чтобы никто из гостей, которые находились в гостиной, ничего не услышали и не узнали. Понятное дело, что я врезал этому парню, но так, не сильно, чтобы только он понял кое-что… Словом, после моего удара он слегка отлетел и приземлился возле окна. Повторяю, все это происходило на кухне, и этот парень, когда мы уходили оттуда, так и оставался сидеть там, держась за щеку… Ирину же я вывел в прихожую, поддерживая под руку, поскольку она едва стояла на ногах, мы спустились вниз, я усадил ее в машину, сел сам и привез ее домой. Конечно, в моих планах было вызвать своего водителя, чтобы он отвез нас. Обычно я так и поступаю: еду в гости сам, без водителя, а потом, когда нужно, вы-

зываю его, и он доставляет нас домой. Но он отпросился, у него жена, кажется, приболела. А я выпил в тот вечер не так много и вполне мог сесть за руль…

– Ты рисковал, – заметила Лиза.

– Да, но тогда мне подумалось, что отсутствие водителя очень даже кстати – он хотя бы не увидит, до какой степени напилась моя невеста, и мне не будет так стыдно… Словом, мы доехали до дома, а живу я в «Волге», ну, ты знаешь.

– Да, новый поселок на берегу реки, сказочное место, мне приходилось там бывать.

– У меня там дом. И хотя участок большой, и перед домом огромная площадка с парковкой, а гараж в стороне… Просто я хочу сказать, что, несмотря на то что соседи наши живут не очень близко от нас, тот концерт, который устроила мне Ирина, едва мы вышли из машины, мог услышать кто угодно из нашего поселка… Понимаешь, был вечер. Вокруг тишина. И, думаю, если кто-то из соседей сидел, предположим, на веранде и ужинал или пил чай, то легко мог услышать, как она кричала на меня, оскорбляла, называла меня очень нехорошими словами…

– Дима, постой, может, я что-то упустила? Она, значит, провинилась перед тобой, целуясь с парнем в гостях, а вернувшись домой, стала кричать на тебя? Вроде как лучший способ защиты – нападение?

– Да-да, именно так все и было. Конечно, это была ее реакция на мои слова. Я сказал ей лишь, что вряд ли после

этого случая она может называться моей невестой, не говоря уже о том, чтобы стать женой.

– А… Вот теперь все понятно. И что потом?

– Она сказала, что не больно-то и надо, что я такой-сякой, что ей наплевать, выйдет она за меня замуж или нет, и что она вообще предпочитает свободу… Что я был дурак, когда доверился ей… Это к слову об откровенности… Короче говоря, несла всякий бред. Сильно обидела меня. И это при том, что до этого она как будто любила меня, во всяком случае, вела себя как пай-девочка, ну просто пылинки с меня сдувала! Что сказать… Я до вчерашнего вечера не замечал в ней ни нахальства, ни грубости… Хотя понимал, что она, как бы это помягче выразиться, девушка не первой свежести, ты уж прости меня, Лиза, за мой цинизм… Но я знаю, что до меня она была невестой одного хорошего парня, которому крупно не повезло, он умер накануне свадьбы с Ириной… Неожиданно.

– Как его звали?

– Виктор Пшеничный, может, слышала?

– Нет, не слышала. И что дальше?

– Что касается Ирины, то после его смерти ей, удивительное дело, много чего досталось от Вити. Думаю, он на самом деле ее сильно любил, раз оставил ей по завещанию все, что успел нажить, а это немало, причем еще до свадьбы… Я, собственно, почему рассказываю тебе про Витю… Ведь Ирина, собираясь выходить за меня замуж, не была бедна, а потому

я сразу напрочь исключил материальный мотив нашего брака, понимаешь? Для меня это было немаловажно.

– Денег много не бывает, – мягко заметила Лиза. – Итак… Что случилось потом, Дима?

– Я сильно разочаровался в Ирине, как ты понимаешь. Подумал вдруг, что за те несколько месяцев, что мы были знакомы, так и не сумел разглядеть в ней… хабалку, девку… Ты бы видела ее, как она себя отвратительно вела…

– А до этого она пила, ты видел ее в подобном алкогольном опьянении?

– Нет, никогда. Конечно, она вчера перебрала. Думаю, это даже хорошо, что я увидел ее в таком виде перед тем, как жениться на ней. Теперь уж я точно этого не сделаю…

– Так что произошло?

– Мы поругались с ней. Прямо на улице, – вздохнул Дмитрий. – Она наговорила мне, повторяю, кучу гадостей, унизила меня, я снова сказал ей, что теперь нам лучше расстаться и что ей придется возвращаться к себе. Она сказала, что, мол, пожалуйста, не больно-то и надо… Я пошел спать, а она оставалась еще во дворе, что-то кричала, знаешь, прямо топала ногами от злости… Признаюсь, когда я вошел в дом, то принял на грудь еще несколько капель виски, после чего лег спать прямо в гостиной, при включенном телевизоре. И все. Проснулся утром, а ее нет. Я обошел весь дом и понял, что дома она не ночевала. В спальне постель не разобрана. Нигде, где она могла бы устроиться, нет ни следа ее… ни су-

мочки, ни обуви… Она исчезла. Вот как оставил ее во дворе, так больше и не видел. Телефон ее молчит. Позвонил Мусинцам, спросил, может, она вернулась к ним, но он, сильно удивившись, ответил, что она, само собой, не возвращалась. Я поехал к ней домой, у меня есть ключи от ее квартиры, но и там ее тоже не было. Понимаю, мы повздорили, это так, но я постоянно отгоняю от себя мысль, что она так и не вошла в дом, поймала машину и попросила отвезти ее в город… Она красива, и если в машине оказался какой-нибудь негодяй, сама понимаешь, с ней могло произойти несчастье. Да, она была зла, очень зла, просто вне себя от злости, причем я так и не понял, что же с ней случилось на самом деле, но вместе с тем совершенно беспомощна…

– Дима, ты хочешь, чтобы я помогла тебе найти твою невесту? Я правильно тебя поняла?

– Ну… В общем-то, да. Конечно.

– Но еще и суток не прошло! Возможно, она где-то у друзей-подружек. Или, разозлившись на тебя, сняла номер в гостинице и отсыпается там.

– Нет-нет, только не в гостинице. Ты не знаешь Ирину. Она очень любит свою квартиру, ту, которую ей оставил Витя. Мы с ней даже иногда конфликтовали из-за этого. Я хотел, чтобы она оставалась у меня на ночь, а она в первые месяцы наших отношений постоянно возвращалась домой. Говорила, что может спать лишь в своей кровати. Я был счастлив, когда она постепенно все же привыкла спать со мной, в

моей, нашей кровати. К тому же я знаю ее отношение к гостиницам. Она признавалась мне неоднократно, что в гостиницах чувствует себя очень неспокойно, что плохо спит, ей кажется, что под потолком витают тени душ прежних жильцов…

– Чертовщина какая-то, – нечаянно обронила Глаша.

– Что поделать, – пожал плечами Родионов, – у нас у каждого в голове свои тараканы. Просто я хочу сказать, что Ирину бесполезно искать в гостиницах.

– Дима, – мягко сказала Лиза и даже провела ладонью по его руке, словно заранее успокаивая его. – Давай все же немного подождем, может, она объявится с минуты на минуту?

Она разговаривала с ним как с проснувшимся среди ночи перепуганным детскими кошмарами ребенком. Разве что не целовала его в висок.

– Не знаю… Может, ты и права… Да, она изменилась. Буквально за один вечер. Стала неуправляемая, словно все то время, что мы были вместе, она притворялась тихой и кроткой, воспитанной и интеллигентной девушкой, а потом с ней что-то случилось, и она вернулась в свое обычное состояние, стала самой собой, понимаете? Так бывает только в сказках. Когда злая колдунья сначала превращается в принцессу, а потом, когда часы начинают бить полночь, вместо нежного личика мы видим морщинистую, уродливую рожу ведьмы, и белое бальное платье исчезает, превращаясь в чер-

ные лохмотья…

Он повернулся к Глафире, словно ему было важно, чтобы и она тоже поняла его и прониклась сочувствием. Глаша, обычно такая спокойная и собранная, отчего-то смутилась, как девчонка, и отвела взгляд.

– Дима, ты должен успокоиться. Да, возможно, ты прав, и с твоей Ириной что-то произошло, какое-то внутреннее озарение, вернее, наоборот, помутнение рассудка… Но может, все было гораздо проще? Алкоголь – в этом все дело. Понимаешь?

– Хорошо. Подождем. Что ж, тогда я пойду?

– А может, выпьешь кофе? Или пойдем куда-нибудь вместе поужинаем?

– Нет-нет, мне, если честно, кусок в горло не лезет. Спасибо… Ладно, Лиза. Я, пожалуй, пойду. Может, ты права, и Ирина уже дома, ждет меня, а я тут… в городе… Я очень смешно выгляжу?

Глава 2

15 июня 2011 г.

– У вас такое имя красивое и необычное – Янина. Знаете, я даже сначала подумала, что неправильно его записала. Вы, должно быть, нерусская?

– Да, я полька. Вас как зовут?

– Таня.

Янина Вильк, высокая кареглазая статная женщина в голубом просторном платье, с рыжей косой, венчавшей ее голову, стояла на крыльце своего большого дома и разговаривала с посетительницей, молоденькой женщиной с заплаканными глазами. Понятное дело, что ее прислал кто-то из своих, кто уже бывал у Янины, кто лечился у нее. Иначе и быть не могло. Объявления в газетах она никогда не давала, знала, что, кому понадобится ее помощь, ее и так найдут, придут, изольют ей свою душу.

– Вижу, что не вовремя, – сказала женщина. – Вы куда-то собрались… А может, я подожду вас здесь, рядом с вашим домом? Сяду в тенечке и посижу? Я из города к вам приехала. С работы отпросилась. Так тяжело было, так плохо, что мне теперь не до работы, ни до чего вообще… Вся жизнь остановилась. Так я вас подожду?

– Нет, не надо… Давайте сделаем так. Я собралась в лес,

за травами, сейчас как раз время собирать василек, полынь, чистотел… Пойдете со мной?

– Да я пойду с вами куда скажете. Только бы не быть одной. Знаете, иногда мне кажется, что я схожу с ума… Я не знаю, что со мной…

– Тогда подождите меня немного…

Она как-то сразу все поняла про нее. Наверняка мужчина бросил. Она и не ела, наверное, несколько дней. И не спала. Глаза вон совсем ввалились. И откуда у нее силы взялись, чтобы сюда приехать? Как сознание не потеряла в дороге?

Она вернулась в дом, положила в корзину сыру, хлеба, отсыпала из стеклянной банки в салфетку немного кедровых орехов, налила в бутылку холодного молока. Вот теперь можно отправляться в лес. Там, среди берез, на поляне, они устроятся в тени, и Татьяна ей все-все расскажет. А пока будет рассказывать, немного поест. Силы ей сейчас ох как нужны.

Вышли со двора, миновали, плечо к плечу, улицу и не спеша, молча двинулись в сторону леса. По правую сторону сверкала гладь Волжского залива. Было тихо, воздух наливался июньским теплом. Солнце потихоньку начало припекать.

Татьяна была в джинсах и белой блузке. Кроссовки, небольшая спортивная сумка. Коротко стриженные светлые волосы еще пахли шампунем.

– Вообще-то, я мужу никогда раньше не изменяла, – на-

чала она тихо, не поворачивая головы. – Знаете, он у меня такой уважаемый человек в городе, и зарабатывает… Я не то чтобы оправдываться хочу, нет, но когда он вечером приходит в спальню, когда раздевается… Ох, не знаю даже, как и сказать, словом, меня уже тогда тошнить начинает. Я люблю его как человека, как отца моих детей, а вот как мужчину просто не переношу… Я тут встретила одного человека, такого нежного… Никогда бы не подумала, что такое может со мной случиться. Не знаю, любовь ли это или страсть… Но так мне с ним хорошо было. Даже и не поняла, когда именно потеряла голову. Все забросила – и детей, и хозяйство, и мужа, конечно… словно сошла с ума. А потом он вдруг сказал, что у него свадьба. Оказывается, он все то время, что мы встречались, был уже не свободен, у него есть девушка, невеста. Она забеременела, и он решил жениться. Все так просто. Обыкновенно. Он сказал мне об этом тоже очень просто, не извинился, ничего… Нет, конечно, он никогда мне ничего не обещал, но нам так хорошо было вместе…

– Расстались? – осторожно спросила Янина.

– Он бросил меня.

И наступила тишина. Были слышны лишь шаги, шорох травы да щебет птиц. Вдыхая цветочный луговой запах, они продвигались вдоль зарослей дикой смородины: Янина – замечая все вокруг и собирая травы, Татьяна же – не видя ничего перед собой и мысленно переживая вновь тяжелую минуту, когда ее любовник объявил ей, что женится.

Терпкий запах примятой полыни привел Татьяну в чувство.

– Знаете, Янина, я сейчас что ни съем, мне все горькой полынью кажется…

И вдруг они остановились. Впереди белело что-то непонятное, похожее на торчащую из травы белую туфлю. Янина сделала шаг и тихо ахнула, прикрыв рот ладонью. Черное, в белую крапинку платье, копна каштановых волос…

– Там женщина лежит… – прошептала Татьяна, не сводя глаз с пестрого пятна в траве. – Я боюсь.

– Подождите меня здесь, если боитесь. Думаю, беда случилась… И платье я это уже где-то видела…

Янина быстрым, решительным шагом приблизилась к лежащей на траве женщине. Вывернутые ноги, шея, задранное до талии нарядное платье, растрепанные, смешанные с травой волосы – и все это залито кровью… Глаза закрыты плотно. Женщина была мертва.

Янина повернулась к Татьяне и сказала:

– Думаю, ее сбила машина. Вот тут и след имеется, ее волокли от дороги сюда, всего-то метров семь-восемь… Сумочки нет, возможно, ограбили… Таня, вы уж извините меня, но я не смогу вам сейчас уделить время. Я знаю эту женщину. Она живет… жила… в нашей деревне, в большом доме. Имени ее не знаю, а вот хозяина дома знаю хорошо, его фамилия Родионов. Дмитрий Родионов. Уверена, что он ее сейчас ищет. Я звоню в полицию. Главное – ничего здесь не

трогать. Господи, какое несчастье! Она совсем молоденькая, красивая… И как она тут оказалась?

Татьяна, осторожно приблизившись к Янине, зажмурилась, увидев труп. Распахнув потом глаза, уставилась на страшную картину – жуткую смесь из крапчатой черной ткани с голым белым телом, белыми туфлями, размазанной по лицу оранжевой помадой, спутанными волосами, в которых застряли травинки, даже одуванчик…

Никогда в жизни она не испытывала такого потрясения.

– Здесь дорога-то тихая… Машин мало, – сказала она.

– Дорога тихая, машины бывают редко, поэтому я тут иногда и собираю травы… Ближе к смородине и за посадками, на опушках…

– Какая ужасная смерть…

Янина между тем достала телефон и позвонила в полицию.

– Может, ее избили? Изнасиловали и убили? – Татьяна, не мигая, продолжала смотреть на белые туфли, забрызганные кровью.

Глава 3

15 июня 2011 г.

Александр Мусинец, рыхлый блондин с лицом молодого бульдога, сидел за столом в своем кабинете и изучал принесенные ему секретаршей документы, когда раздался звонок и на телефоне высветилось имя «Дима». Дима Родионов… Ну да, конечно. Он ухмыльнулся, вспомнив его утренний звонок.

Да уж, вчера как-то нехорошо получилось. И кто бы мог подумать, что Ирина так наберется! Испортила мужику все настроение. Надо же так напиться, чтобы потерять всякий контроль над собой и целоваться в кухне с Ильей! Это хорошо еще, что Женька ничего не видела, что болтала за столом с Ритой, и всю эту сцену увидел лишь он сам, Саша. И правильно, что Дима дал ей пощечину, этой Ирине… Да он ее еле оторвал от этого Ильи… Нет, не умеют люди пить, напиваются как свиньи, а потом и человеческий облик теряют.

– Привет, Дима. Как дела? – веселым, бодрым голосом отозвался Александр, предполагая, что друг звонит ему для того, чтобы извиниться за вчерашнее.

– Саш, Ирина не у вас? – услышал он неожиданно тихий и какой-то пришибленный голос Дмитрия.

– Нет, а что? Что-нибудь случилось?

– Она пропала. Ее нет нигде. И телефон ее выключен.

– Так вы же с ней вчера вместе от нас вышли.

– Саш, вышли-то вышли. Но что было потом – нетрудно же догадаться.

– Поскандалили, – с пониманием отозвался Мусинец. – Все понятно. И что, она сорвалась и куда-то поехала?

– Да, мы поскандалили, причем это произошло уже дома, во дворе. Я поставил машину, а она все это время стояла перед домом, знаешь, у нас такая площадка, вроде итальянского дворика… Помню хорошо, как цокают ее каблуки, она прямо-таки притоптывала от злости, кричала, что я негодяй и подлец, что лишил ее свободы, что она не собиралась за меня замуж… Что ж, говорю, как хочешь… А у самого на душе так гадко, мерзко. Кому приятно, когда его надувают? Я не стал дальше слушать, вошел в дом, устроился в гостиной на диване, включил телевизор… Еще выпил немало. И не помню, как отключился. Проснулся утром – ее нигде нет. Постель в спальне не смята, значит, она не ночевала. Знаешь, она никогда не убирает постель или вообще что бы то ни было. У нас, говорит, для этого есть Люся. Людмила, ты знаешь…

– Знаю. Рита, кстати, всегда мечтала переманить твою Люсю, даже уговаривала меня. Ну да ладно, сейчас не об этом. И что? Ее нигде нет?

– Нет.

Александр посоветовал ему не паниковать, а набраться

терпения и ждать, когда Ирина объявится сама. Что было еще посоветовать, когда Ирину он знает плохо, а потому предугадать ее поведение просто невозможно.

И вот он снова звонит. Прошел целый день, возможно, Ирина нашлась и Дима хочет ему что-то рассказать?

– Привет, дорогой. Ну, как дела? Нашлась твоя невеста?

– Нет, не нашлась, – на этот раз тон его был еще более удручающим. – Знаешь, может, я и поспешил, но все же обратился к одной своей знакомой, чтобы она помогла мне найти ее… Ума не приложу, где она может быть. Уже вечер.

– Думаю, старик, она где-нибудь спит. У какой-нибудь своей подружки, которой приказала молчать на случай твоего звонка. Специально, чтобы ты помучился. Бабы, они все такие. Моя тоже пряталась от меня у Женьки, ты знаешь… Если хочешь, приезжай к нам. Уж мы-то найдем, как тебя успокоить, привести в чувство… У нас еще осталось в баре, сам знаешь… Он же неиссякаемый! Между прочим, остался твой любимый абсент…

– Не до этого мне, Саша. Что-то мысли нехорошие в голову лезут. Вот куда она могла отправиться ночью? Одна? Раньше за ней ничего такого не водилось. Она представлялась мне совершенно домашней девочкой… И уж к чужим точно не села бы в машину.

– Ты извини меня, старик, но хочу напомнить, что Ирина была сильно пьяна. А алкоголь… Ты не представляешь себе, как алкоголь меняет характер человека, его привычки, я

уж не говорю о полной потере памяти… И далеко не надо ходить! Вот я, к примеру, несколько раз напивался так (можешь спросить у Риты), что наутро не помнил вообще ничего, понимаешь? Я, здоровый молодой мужик, забыл абсолютно все, что произошло со мной вечером. Рита мне рассказывала, какие ужасные вещи я ей говорил, как пытался ударить ее ножом, это я, прикинь! Я – и нож! Да, вот так-то вот. Потом выбежал на улицу, бегал вокруг дома и орал… Стыд, да и только! У меня в подчинении находится столько людей, я вроде как уважаемый человек, и вдруг такая херня… Вот после этого я стараюсь контролировать себя. Советую и тебе тоже напрячься и постараться вспомнить, что было вечером. Ты же, вернувшись домой, еще выпил. Что ты выпил?

– Виски… Хотя, постой, может, и водку…

– Вот! Что я тебе говорил! Возможно, ты выпил хорошенько, и тот момент, когда твоя Ирина вернулась в дом, ты напрочь забыл. Может, ты ударил ее? – спросил он осторожно, надеясь, что Дмитрий что-нибудь вспомнит. Хотя на самом деле он и сам не знал, зачем сказал ему все это, ведь понимал, что делает ему больно. Хорошо еще, что не пошутил, мол, уж не убил ли ты свою невесту, старик…

Дмитрий отключил телефон. Обиделся. Что ж, его можно понять.

Заглянула секретарша, миниатюрная хрупкая Анжелика в узком платье вишневого цвета, под которым угадывалось

стройное тело с пышной грудью.

– Александр Евгеньевич, я пойду? Рабочий день уже давно закончился…

– Зайди, – сказал он, почувствовав приятную волну возбуждения. – Запри приемную и ко мне. Я жду…

Глава 4

15 июня 2011 г.

В девять вечера Лизе позвонил Родионов и сказал всего два слова: ее нашли.

В десять Лиза вместе с Глафирой уже входили в морг, где находилось тело погибшей Ирины Виноградовой.

В коридоре на скамье Лиза нашла Дмитрия. Он сидел, обхватив голову руками, и был явно не в себе.

– Дима… – Лиза присела рядом с ним, Глафира же уверенной походкой прошла дальше по коридору. Она знала этот морг как свои пять пальцев, сейчас же ей надо было найти Германа Турова, судмедэксперта. – Дима, пожалуйста, приди в себя и расскажи мне, что случилось.

– Здесь душно, – сказал Дмитрий, и Лиза вывела его на улицу.

В университетском городке, где располагался морг, было темно, лишь в редких окнах еще горел свет. Над головой шумели кроны деревьев. Небо чернильного цвета плавилось от желтого лунного света.

– Понимаешь, я совершил ошибку. Мне надо было поджидать ее дома, а я не мог туда вернуться… Не знаю почему… Мотался по городу, пытался найти ее там, где мы бывали вместе, – в ресторанах, на террасах кафе… Мне так и

казалось, что я ее сейчас увижу. Но я ее не нашел. Вот к вам приезжал, потом еще звонил Саше, моему другу, я говорил, Мусинцу, тому, у кого мы были в гостях и где все это случилось… Конечно, глупо было с моей стороны надеяться, что она вернется к ним, но я звонил ему не столько для того, чтобы спросить, не у них ли она, сколько для того, чтобы поговорить с ним о ней… Короче, пока меня не было, ее и нашли. И нашла ее одна женщина из нашей деревни. Я знаю ее. Она вроде гадалки или лекарки, к ней женщины обращаются за помощью. Ее зовут Янина. Она полька. Лечит травами, разговорами. Она собирала растения и наткнулась на Ирину.

– Где? В каком месте она ее нашла?

– Примерно в десяти метрах от дороги, рядом с кустами смородины…

– Как она сообщила тебе о находке?

– Она приходила ко мне много раз, стучала в ворота, звонила… Но меня же, говорю, не было дома. А полиция не знала, что Ирина – это Ирина, что она жила со мной… Ни фамилии, ничего, понимаешь? Только вернувшись домой, я нашел записку от Янины. Она просила меня позвонить, написала, что речь идет о моей знакомой. Я сразу все понял, в смысле, что речь идет об Ирине. Позвонил, пригласил ее к себе, Янина пришла и все рассказала. Еще передала мне номер телефона следователя, который будет заниматься этим делом… Замечательная женщина. И такая тактичная. Господи, Лиза, мне кажется, что это сон… Наверное, так все го-

ворят, когда происходит что-то невероятно страшное, необратимое…

– Что с ней? Ее убили?

– Точно можно будет узнать после экспертизы, так мне сказали здесь. Янина предполагает, что ее сбила машина. Но я не понимаю, что она могла делать в том месте, за деревней… Вряд ли она дошла туда на своих высоченных каблуках. Да и зачем? Даже если она и собралась куда-то поехать, то вызвала бы такси…

– Такси? Это интересно, – пробормотала Лиза, с трудом представляя себе таксиста-убийцу. – Но почему же она вышла из этого такси?

– Ничего не знаю… Мысли путаются.

– Хорошо, Дима, ты сиди здесь и постарайся не раскисать, а я пойду, у меня тут работает знакомый судмедэксперт, он мне расскажет все, что сможет.

– Постой… – Дмитрий вдруг резко повернулся, и Лиза увидела, что все лицо его мокро от испарины. Он был сильно взволнован. – Лиза, мне надо у тебя что-то спросить… Понимаю, что это не имеет никакого отношения к твоей профессии, но все равно… Скажи, неужели человек после того, как выпьет много, может потерять память?

– Думаешь, что произошло что-то, в чем принимал участие ты сам? Ты этого боишься?

– Да. Понимаешь, Ирина такой человек, что она не могла уйти вот так, пешком, на каблуках, далеко от дома… Не

знаю, как тебе это объяснить. Это не в ее характере. Она очень осторожная, трусиха. Всегда и во всем предпочитала комфорт. Лишние пять метров не пройдет, если есть возможность проехать на машине, понимаешь? Ну, не могла вот так сама оказаться на дороге. Особенно если учесть, что она была пьяна… Да она упала бы…

– Никто не знает, как отразился на ней алкоголь. Вот ты сам сказал, что она напилась и начала целоваться с одним из гостей в кухне. Кстати, что это за гость?

– Его зовут Илья. Знакомый Саши. Тоже бизнесмен, средней руки. Смазливое лицо. Словом, котяра, понимаешь, о чем я?

– Дима, ты что-то вспомнил?

– Нет. В том-то все и дело, что я ничего не помню, кроме того, что я уже тебе рассказал. Виски или водка, диван, телевизор… Я не помню, чтобы я ее бил или тем более отвез куда-то.

– Ты думаешь, что так разозлился на нее, что потерял контроль над собой и…

– Не может быть, чтобы я убил ее. Я ничего такого не помню. А вот Саша тоже намекнул мне, что, мол, алкоголь – это такая коварная штука… Мне страшно. Со мной ничего подобного никогда не было. Да и близкие у меня, к счастью, никогда не умирали. Я даже не знаю, как мне себя вести. В сущности, я и об Ирине-то ничего не знал, кроме того, что она когда-то давно была невестой Вити Пшеничного…

– У нее есть близкие? Родные?

– Кажется, родители ее умерли, давно. Сестра есть… Вот только не знаю, родная или двоюродная.

– Надо будет найти ее записную книжку, открыть электронную почту и попытаться разыскать ее родственников. Даже если предположить, что она из детдома…

– Нет-нет! – замахал руками Дмитрий. – Она точно не детдомовская. Детдомовские не такие. Она избалованная и капризная. Думаю, что у нее была нормальная семья, что ей дали хорошее воспитание и образование… Как ты понимаешь, меня не очень-то интересовали ее родственники. Мне важно было, что она меня любит, что она красива и все такое… Она ведь на самом деле была красива. Но там, – он кивнул головой в сторону двери в конце коридора, – она выглядит очень странно… Как сломанная кукла. Ее сломали. На ноги вообще лучше не смотреть. А ведь у нее были самые красивые на свете ноги. Я еще шутил, что надо бы ей застраховать их на миллион евро. И туфли… Ее привезли в туфлях. Мне и эксперт сказал, что странно, что с нее не слетели туфли. Хотя они ей немного жали, она их еще разнашивала… Это дорогие туфли и очень красивые, белые… Они идеально подходили к ее платью. Платье… черное такое, воздушное, в белую крапинку, она в нем была такая милая, женственная. И губы… оранжевые… Она целовалась с этим Ильей, и у него половина лица была оранжевая от ее помады… Мерзость!

Лиза увидела, как у него сжались кулаки.

– Хорошо, Дима, ты здесь посиди, а я пойду поговорю с Герой. Думаю, он многое нам прояснит. И постарайся никуда не уходить. Мне еще надо будет с тобой поговорить и, если ты не против, проехать в твою деревню, вернее, поселок. Ты мне покажешь место, где вы с Ириной расстались, я должна осмотреть дом, вашу спальню… Ну, ты меня понимаешь.

– Лиза, ты даже представить себе не можешь, как я буду рад, если вы со своей помощницей поедете со мной. Один я снова напьюсь и натворю глупостей…

– Тсс… – Лиза схватила его руку и заглянула в глаза. – Никому, слышишь, никому больше не говори о том, что ты много выпил и все такое. Мы постараемся разобраться во всем сами. В полиции скажешь, что ничего не знаешь, что ты спал. Понял?

Лиза нашла Глафиру в секционной, где та мирно беседовала с Германом Туровым, судебным медиком, голубоглазым брюнетом с задумчивым взглядом. Возле окна на столе лежало тело молодой женщины. Лиза отметила про себя, что оно на самом деле изуродовано. Сломанная кукла.

– Привет, Гера. Что скажешь?

– Вскрытие еще не производил, но пока что могу сказать, что она каким-то невозможным образом угодила под колеса автомобиля.

– Почему невозможным?

– Да потому что она вся словно раздроблена, понимаешь?

Смята, раздавлена.

– По ней проехали несколько раз?

– Вот именно. Только голова более-менее цела, я имею в виду черепную коробку. Конечно, лицо пострадало, и ухо вон разорвано, не говоря уже о скальпе… Видишь, волосы грязные, в крови… Это часть скальпа надорвалась, как если бы волосы намотались на колесо… Вот, смотри, видишь, волосы вырваны, что называется, с корнем… Ребра сломаны, кости таза, ноги, руки, позвоночник…

– На ней нет ни одного живого места, – вздохнула Глафира. – Понятное дело, что ее убили. Вернее, убивали.

– Убили. Выходит, он пришел к нам за помощью не просто так… Или что-то знает, или тогда еще предчувствовал… Согласись, он появился вечером следующего дня, рановато для человека, который потерял из виду свою невесту.

– Возможно, им двигало чувство вины, – согласилась с Лизой Глаша.

– Гера, что необычного, кроме того что ее переехали несколько раз? Какие-нибудь интересные детали?

– Да есть кое-что. У нее на пальцах рук ссадины, возможно посмертные…

– Кольца? С нее содрали кольца?

– Я так понимаю, что со следователем ты еще не встречалась, а потому не знаешь, что на ней не было украшений. Никаких. Итак, вот смотри сама, видишь? Здесь было кольцо, здесь, и вот тут… И мочки ушей тоже порваны.

– Сережки сорвали. Нелюди.

– Вот тут, на шее, тонкая такая, едва заметная темная полоска…

– Цепочка или колье. Понятно.

– Если был браслет, то его расстегнули и сняли. Но я, повторяю, в этом не эксперт. У меня несколько другая специальность. Что еще? Анализ крови еще не готов, но я и так могу сказать, что девушка была изрядно пьяна. От нее пахло так, как если бы в нее насильно влили пол-литра водки.

– Кажется, она сама выпила, – неуверенно проговорила Лиза. – Следов насилия нет?

– Нет. Думаю, самое интересное мы узнаем на днях, когда я поработаю с телом.

– Хорошо, Гера, спасибо тебе большое.

В поселок «Волга» приехали уже ночью. Дмитрий вышел из своей машины, Лиза и Глафира видели, как изменилась походка человека, которого потрясло горе. Он не шел, а плелся, опустив голову и мало что в этот момент, видимо, соображая. Машинально открыл ворота, распахнул их и, вероятно, вспомнив, что за ним следовала машина Лизы, обернулся, как-то даже выпрямился, тряхнул головой, после чего показал жестом, мол, добро пожаловать.

– Как бы у него не было истерики, – сказала Глаша, вздыхая.

Обе машины поставили в гараж. Дмитрий, с белым лицом,

пробормотав «Людмила еще ничего не знает», задумчиво запер гараж и пригласил своих гостий войти в дом.

– У вас, Дмитрий, очень красивый дом, – заметила Глафира, едва они вошли в просторный, заставленный кадками с растениями холл. – Здесь жить да жить… Детей рожать… Да, жаль, что все так случилось…

– Смотря чего жалеть, – живо отреагировал Дмитрий.

Он пригласил женщин в гостиную, предложил расположиться на мягких диванах, а сам сел в кресло возле окна, тяжело вздохнул.

– Что касается моей женитьбы, то вот уж о чем я действительно не жалею, так это об этом… Я всегда предпочитал свободу, мне вообще было очень трудно решиться на брак. Сам не знаю, как случилось, что я влюбился в Ирину и сделал ей предложение. Вероятно, где-то внутри я просто созрел, мне захотелось семьи и детей. Я много раз представлял себе картинку: мы с Ириной и нашими маленькими детьми прогуливаемся по парку… Вот такая глупая картинка.

– Не такая уж и глупая. Дети – это великое счастье, – сказала Лиза, улыбаясь своему невидимому счастью. Еще в машине она позвонила домой няне и предупредила о том, что ночевать не приедет. – Знаешь, Дима, даже когда ты не дома, но знаешь, что тебя ждет твой малыш, ты наполняешься таким прекрасным чувством… Это не передать словами!

– Да я понимаю… Но все равно важно, что я вовремя бы понял, что Ирина не для меня… Но тут такое… Я до сих пор

не могу это осмыслить. Вот она была – и ее нет…

– Дима, я должна тебя предупредить кое о чем. Я заметила, что, когда тебе плохо, тяжело, ты можешь сказать лишнее.

– Что? Как это? О чем ты?

– Об алкоголе. Пообещай мне, что ты никому не расскажешь о том, что рассказал мне. О своих страхах, будто из-за алкоголя ты не помнишь ничего из вчерашнего вечера. Говори, что помнишь. Что зашел в дом, Ирина оставалась на улице. Не говори никому, что ты еще выпил. Это никому не интересно. И эта правда никому, кроме тебя самого, не нужна. Пришел, включил телевизор и уснул на диване в гостиной. Это все. Ты обещаешь мне?

– Да-да, Лиза, конечно, обещаю. А что, ты думаешь, что это я мог вот взять и убить ее?

– По твоей Ирине проехали несколько раз. Значит, была машина. Уверена, что следователь сумел раздобыть отпечатки протекторов на дороге, да и на одежде ее могли остаться какие-то следы.

– Думаешь, это следы моей машины? – Дмитрий смотрел на Лизу широко раскрытыми глазами. – Нет, я, конечно, сильно разозлился. Но не до такой же степени?!

– Просто как-то все не очень хорошо получается… Смотри. Ты оставил ее на улице, а сам вернулся в дом и напился. Может, ты действительно после этого вышел во двор и снова увидел Ирину. Возможно, она присела на скамейку, в бесед-

ке. Я заметила слева от дорожки мощеный дворик с беседкой и скамейками…

– Итальянский дворик, – закивал Дмитрий. – Да. Она любила там проводить время. Удивительное дело, но она там читала! Брала ноутбук и сидела там, отдыхала, читала, смотрела фильмы…

– Она могла присесть туда после вашего скандала и уснуть. Так иногда случается с пьяными.

– Думаешь, что я вышел и мы продолжили наш скандал?!

– Возможно, ты снова стал кричать на нее, она наговорила тебе лишнего, после чего в сердцах выбежала со двора и отправилась, что называется, куда глаза глядят… Жаль, что темно, да мы и не знаем точно место, где ее нашли… Но утром, я думаю, мне удастся встретиться с твоей Яниной, и она мне все покажет… Так вот. Она, Ирина, могла просто пойти по дороге, выйти из деревни… А ты в это время сел в машину и поехал следом. Ты уж извини, что все это говорю, но я не могу представить себе, что после того, как ты вошел в дом и включил телевизор, Ирина отправилась куда-то одна…

– Значит, ты считаешь, что было продолжение скандала? Что это я виновен в том, что с ней случилось?

– Я ни в чем не уверена, но прошу тебя в разговоре со следователем быть осторожным в словах…

– Да я все понял. Лиза, ты напугала меня еще больше!

– Знаешь, поступим следующим образом. Я пойду сейчас

в гараж и попытаюсь осмотреть твою машину. Герман сказал, что волосы Ирины, скорее всего, намотались на колесо… Может, там и пятна крови… Тогда, возможно, тебе придется немедленно найти мастерскую подальше от этих мест и сменить колеса.

– Да у меня есть запаски!

– Ты меня понял, Дима… Глаша, а ты сообрази чего-нибудь на ужин. Нам всем силы понадобятся.

– Можно вопрос? – подала голос Глафира.

– Конечно! Спрашивайте.

– Дмитрий, а кто такая Людмила?

Глава 5

16 июля 2008 г.

– В соседней палате одна женщина в обморок упала. Это от духоты. Предлагаю открыть форточку…

Самая молодая пациентка, Оля, окинув палату с лежащими на кроватях женщинами, восприняв их молчание как согласие, придвинула тяжелый стул к окну, поднялась на подоконник и открыла форточку.

Стоял июль, за огромными, почти во всю стену, непромытыми, в подсохших дождевых потеках окнами плавился от жары город. Даже кроны деревьев вокруг больницы казались какими-то болезненными, вялыми. Рыжий горизонт портили заводские трубы.

– Свежий воздух – это, конечно, хорошо, да только в коридоре окна все распахнуты, значит, будет сквозняк, а мы после операций… – голосом, похожим на стон, отозвалась одна из женщин. Несмотря на жару, она в теплом халате лежала под шерстяным одеялом.

– Накроетесь одеялами, да и все, – пожала плечами Оля.

Высокая, хрупкая, с узлом светлых волос на затылке, бледная, с курносым носом и тонкими губами, она была некрасивая, но какая-то милая, отзывчивая, добрая, и все ее в палате жалели. Она – единственная, кого никто не навещал, не приносил еду и все то необходимое, что требуется

женщине после гинекологической операции. Все знали, что у нее нет мужа, родственников, а на более подробные расспросы никто не решался, все понимали, что ей и так больно. У нее дольше всех не заживал шов, и ей, прямо в присутствии соседей по палате, молодой доктор с непроницаемым лицом выдавливал металлическим инструментом гной из-под кожи на шве, и она, стиснув зубы, рыдала от боли…

– Девчонки, да она права, конечно, нам всем нужен свежий воздух… Пусть хотя бы форточка будет открыта. Это вчера шел дождь, и можно было простудиться, а сейчас-то градусов тридцать, не меньше… – сказала женщина средних лет, устроившаяся на кровати с вязаньем. – Главное, чтобы дверь была закрыта.

– А я вот не понимаю, – подала снова голос женщина в теплом халате. – Мне вот скоро семьдесят будет, у меня опухоль. Ладно, я нарожала троих детей, у меня внуки и правнуки имеются. А вы-то, девчонки, вам еще и тридцати нет, а у вас уже все хозяйство удалили. Режут вас здесь, как поросят. Давно ведь уже новый способ изобрели, как эту миому убивать без операции. Перекрыть какой-то пластиковой штуковиной сосуд, который питает ее кровью, да и все… Она сморщивается, погибает… Я сама видела по телевизору, очень даже доходчиво объяснили, показали…

– Так это в Москве или каком другом большом городе. У нас же все по старинке…

Внезапно дверь открылась, и на пороге появилась незнакомая женщина в белом халате. Строгое лицо, черные с проседью стянутые на затылке волосы. Окинув всех взглядом, она хотела было уже повернуть обратно, как вдруг заметила возле окна Олю, и строгое лицо ее смягчилось улыбкой.

– Оля? Это ты? Еле узнала…

– Валя? – Глаза Ольги моментально наполнились слезами, и она буквально бросилась к посетительнице. Зарылась лицом в белую ткань халата, разрыдалась. – Я уж и не ждала тебя…

Она не говорила, а мычала сквозь тихие, сдавленные рыдания.

Все в палате испытали приятное чувство облегчения – как же, есть бог на свете, вот и Олю, бедняжку, пришли проведать.

– Здравствуйте, женщины, – неожиданно обратилась посетительница ко всем присутствующим. – Как поживаете? Выздоравливайте поскорее и уходите отсюда… Нехорошее это какое-то место… Женщин как на пытку свозят… Вон во дворе сколько машин стоит…

Кто-то слабо улыбнулся ей в ответ, кто-то просто кивнул, а кто-то тяжело вздохнул.

– Меня зовут Валентина. Самой нездоровилось, потому и не навещала свою подружку. Думаю, приду, вас всех заражу. Сейчас поправилась и пришла. Олечка, вот принесла тебе яблоки, сок… Выздоравливай поскорее. Тут – теплый кури-

ный суп, здесь котлеты… Ешь и постарайся думать только о хорошем.

Выложив продукты, Валентина увела Ольгу за собой в коридор. Сели на кожаный диванчик под пальмой.

– Ну, как ты, дорогая? Понимаю, что тебе тяжело было, что никто тебя не навещал… Но ты же сама знаешь, у меня гнойная ангина… Еще насморк. Понятия не имею, где успела подхватить эту простуду.

– Это от вентилятора. Я же говорила вам…

– Что ты все «выкаешь»? Давай уже на «ты». Все-таки не первый день знакомы. Знаю, о чем ты хочешь меня спросить. Да, конечно, я сделала все так, как ты сказала мне перед тем, как попасть сюда. Я позвонила ей на домашний. Убедилась, что она дома, и после этого поехала к ней домой. Пришлось объясняться с консьержкой. Сказала, что я от родственницы, что ее родная сестра в больницу попала. Короче, пустила она меня. Я поднялась… А дом-то, я тебе скажу, в самом центре. На каждом этаже по одной квартире, представляешь, какие там квартиры?! Огромные! Поднялась я, значит, позвонила. Слышу голос такой удивленный, ну, понятное дело, она же никого не ждала. Говорю: «Я от Ольги». Сразу открыла. Смотрю – стоит такая фря. Красивая мадам, молодая… Я почему-то представляла себе ее намного старше. А она совсем девчонка. Вся, как елка, увешана украшениями. Золото, брильянты. Словом, все, как ты говорила. Очень богатая

твоя сестричка. Внутрь квартиры она меня, конечно, не пустила, но я успела кое-что рассмотреть за ее спиной. Длиннющий коридор, а по обеим сторонам двери, в комнаты, значит. Повсюду ковры, цветы, лампы какие-то красивые…

– Валя… ты не о том…

– Да-да… «Кто вы такая?» – спрашивает она меня. Спрашивает, а глаза блестят таким нехорошим блеском. Вот вижу, недобрый она человек. Я говорю, что от тебя. Что сестра, мол, твоя больна, что ей предстоит операция, что ей нужны помощь, деньги…

– А что она?

– У меня, говорит, сестры нет, – сказала Валентина и поджала губы, как если бы ей стало стыдно за чужие слова.

– Прямо так и сказала? – еще больше побледнела Ольга.

– Я говорю: «Побойся бога, как это нет, когда вы с ней одной крови, когда родные сестры». А она отвечает: «Вы ничего не знаете, а потому не вам судить. Спросите Ольгу, она вам все расскажет».

– Значит, не простила, – судорожно вздохнула Ольга. – Конечно, я виновата перед ней. Но я же не со зла. И вообще, если бы ей негде было в то время жить, а так-то… У нее еще тогда все было в шоколаде. Жених ее умер, Царство ему Небесное, но, видать, так любил, что все ей оставил. Все-все! И что было дальше?

– Я вложила ей в руки записку, которую заранее приготовила. Там написано, в какой больнице ты лежишь, в какой

палате. Что операция через два дня. Что еще не поздно хирургу заплатить, чтобы хотя бы часть матки оставили, и чтобы разрез не продольный, а поперечный сделали, девушка ты молоденькая еще, чтобы на пляже в купальнике шрама не было видно… Да и швы они тоже разные делают. Заплатишь – не видно будет, а так…

– Ладно, Валя, спасибо вам… тебе… Значит, все она знала, но все равно не пришла. Что ж, может, она и права. Ведь это по моей вине мы с ней остались без родительской квартиры.

– Да сука она, вот кто! – в сердцах шепотом воскликнула Валентина. – И сердце у нее холодное, черствое. Если она баба, то понимать должна, что ты сделала это не со зла, что тебя обманули, в душу плюнули… А она, вместо того чтобы пожалеть… Э-эх! Ты добрая, вот что я тебе скажу. Даже чересчур. Нельзя быть такой. В жизни приходится еще и не с такой подлостью сталкиваться… Надо уметь драться, постоять за себя.

– Что ты имеешь в виду, Валя? То, как она сейчас живет, полностью ее заслуга. Значит, и она так любила своего Виктора, что он понял это и перед смертью оставил завещание в ее пользу. Это ее заслуга. Это ее жизнь. Это она выстроила ее именно так!

– Да ты даже не представляешь себе, какими деньжищами там пахнет! Думаешь, у нее нет денег тебе на квартиру?

– Валя, о чем ты! Она мне ничего не должна! Наоборот,

это я должна ей…

– Извини меня, Оля, но это ты полная дура и ничего не соображаешь. Где ее сестринские чувства? Да бесчувственная она, вот что я тебе скажу.

– Ладно, хватит о ней. Конечно, я ее ждала. Надеялась… Но что теперь говорить?

– Как операция-то прошла, Олечка?

– Наркоз сделали не очень-то… Галлюцинации были, даже испугалась… Думала, что в ад попала. Разрез сделали хоть и поперечный, но шов очень долго не заживал… Не хочется даже вспоминать. И вообще, мне бы поскорее выйти отсюда, и больше ничего не надо. Вернусь на работу, отдам тебе долг за квартиру.

– Вот еще! О чем ты сейчас думаешь? Да не возьму я с тебя! Я же не твоя Ирина. Может, я и не богатая, да только квартиру я свою не зарабатывала, мне она от тетки досталась. Так что, пока не найдешь себе хорошего мужа с квартирой, живи у меня сколько хочешь.

– Это неправильно… Ты еще сама молодая, у тебя появится мужчина…

– Молодая… – ухмыльнулась Валентина. – Скажешь тоже… Ну, все, мне пора идти. Ешь, пей сок, поправляйся. Когда тебя обещали выписать?

– В понедельник.

– У!!! Я до этого еще пару раз к тебе приду. Все, пока, Олечка!

– Спасибо, что пришла.

Валентина поцеловала Олю в щеку, улыбнулась ей, мол, не грусти, и быстрым шагом направилась к выходу.

Оля подошла к окну.

– Сестринские чувства… – прошептала она, глотая слезы. – А где были мои сестринские чувства, когда я все это натворила?

Глава 6

16 июня 2011 г.

– Что-то мы, господа, припозднились, – сказала Глафира, расставляя на столе тарелки. – Давно уже не ужинала в половине первого ночи. Прошу к столу… Знаете, Дмитрий, несмотря на то что я находилась в чужой кухне, мне удалось как-то быстро освоиться. У вас все так удобно, под рукой. И продуктов много, холодильник забит. Ваша домработница хорошо кормит вас. Вот эта прекрасная курица и салаты – все это ее рук дело. Жаль, конечно, что мы не застали ее. Могли бы с ней поговорить об Ирине… Надеюсь, завтра, то есть уже сегодня утром, она приедет сюда? Или как?

– Конечно, приедет! – чуть слышно отозвался Дмитрий. – У нее рабочий день с девяти. Хотя я разрешаю ей иногда приезжать и к десяти. У нее двое детей, да к тому же много времени уходит на дорогу. Да, она действительно хорошо готовит. И вообще, она хорошая.

Лиза, проголодавшись, набросилась на холодную курицу, вид у нее при этом был крайне задумчивый. Глаша же, проглотив ложку салата, занялась завариванием чая.

– Да уж, – очнулась наконец Лиза от своих раздумий. – Жаль, что Людмила к моменту вашего с Ириной возвращения отсутствовала. Если бы она была дома… Кстати говоря,

она у вас никогда не ночует?

– В редких случаях, когда, к примеру, деревню заметет снегом или идет страшный дождь…

– Понятно. Так вот… Если бы она, к примеру, была в доме, то мы бы сейчас не гадали, что же произошло после того, как ты, Дима, вошел в дом. Интересно, а что Людмила говорила об Ирине? Как она к ней относилась?

– Да нормально. Уважительно. Она понимала, что мне пора жениться. Понимала и то, что идеальных женщин не бывает. Еще ее, как мне думается, интересовало, что будет с ней в случае, если мы с Ириной поженимся. Я успокоил ее и сказал, что она останется в этом доме, что в ее-то жизни уж точно ничего не изменится. Разве что позже, когда родится ребенок, мы пригласим в дом няню. Но Людмила, она такая, как бы это сказать… коммуникабельная, что ли. Она не конфликтная, ладит с людьми, умеет находить в них все хорошее. Когда я, к примеру, рассказывал ей что-то об Ирине, ну, о своих там переживаниях, сомнениях…

– Вы в чем-то сомневались? – спросила Глаша.

– Только дурак не сомневается. Конечно, я присматривался к Ирине, все пытался представить себе ее в качестве жены. И иногда мне казалось, что она не очень-то и любит меня. Все эти впечатления складывались из мелочей… Мне, к примеру, не нравилось, когда она ела одна без меня. И даже не звала меня разделить с ней ужин… Она могла набрать целый поднос еды, унести в спальню и там есть. В то время как

я смотрел, скажем, телевизор в гостиной. Могла бы и меня позвать или ко мне присоединиться… Вам это кажется мелочью?

Лиза, услышав такое откровение, удивилась:

– Вот, Глаша, живешь с человеком и не подозреваешь, что он обижается на такие мелочи… А ведь и мой муж тоже, наверное, злится, когда я поступаю точно таким же образом – с подносом в спальню… Обожаю есть перед телевизором. И его никогда не приглашаю. Да мне даже стыдно, что я предпочитаю есть в спальне, а не с ним за столом… Но это же вовсе не означает, что я его не люблю! Ну, ладно… Речь-то сейчас не обо мне!

– Вы сказали, что делились с Людмилой, вашей домработницей, своими переживаниями, рассказывали ей об Ирине. И что она? – спросила Глаша.

– Она успокаивала меня и рассуждала примерно таким же образом, что и ты сейчас, Лиза. И постоянно повторяла, что идеальных женщин, так же как и мужчин, просто не бывает.

– А у тебя до Ирины были женщины? Ты приводил их в дом? – поинтересовалась Лиза.

– Да, бывало такое. До Ирины я тоже пару раз собирался жениться. Но как-то быстро остывал. Начинал хандрить, искал и всегда находил какие-то отрицательные черты девушек, а потом и вовсе приходил к выводу, что у них дурной характер, что мы не уживемся. Людмила говорила, что я слишком уж разборчив, что я так никогда не женюсь…

– Думаю, что тогда ты просто не был готов к женитьбе, а еще, как и всякий холостяк, ценящий свободу, боялся ее потерять. Вот и все! – улыбнулась Лиза. – Дима, скажи мне, ты зачем отключил все свои телефоны?

За столом стало тихо. Глафира тоже заметила, что все то время, что они находились в обществе Дмитрия, ни один из его телефонов (а она предполагала, что у него, как у очень занятого человека, их как минимум два) не зазвонил. Это было странно по двум причинам. Первая – куда подевались все те люди, которые зависели от него социально и профессионально. Вторая – все его друзья наверняка уже знают о смерти Ирины и просто не могли не выразить ему свои соболезнования. И это не считая других звонков.

– Я не знаю, – сказал он и поморщился, словно от боли. – Я же был с вами… Не хотел, чтобы нам кто-то помешал.

– Но ты хотя бы понимаешь, что первый человек, который тебя сейчас разыскивает, – это следователь, который ведет твое дело.

– Я звонил ему. Мне же Янина дала его телефон.

– И что он тебе сказал?

– Что перезвонит и скажет, где и когда мы встретимся…

– Как его фамилия?

Дмитрий положил на стол визитку.

– Сергей Михайлович Мирошкин… И что теперь будет? Он сильно разозлится?

– Так нельзя, Дима. Он должен тебя допросить. Возможно, он уже приезжал сюда днем или даже вечером, может, поджидал тебя здесь до определенного момента, пока не понял, что ты уже не вернешься… И я тоже хороша, не удосужилась выяснить, кто твой следователь…

Лиза не могла признаться даже себе, что убийство Ирины потрясло ее, выбило из колеи. Визит Родионова, его рассказ о том, что пропала его невеста, как-то не произвел на нее впечатления, ей подумалось, что причина этого визита кроется в чрезмерной мнительности ее приятеля. И тут вдруг это убийство. И бросающаяся в глаза нервозность Дмитрия. А ведь это он ее убил и забыл – это было первое, что она подумала, глядя на него. Эти разговоры об алкоголе и его желание держаться поближе к Лизе, словно он заранее предчувствовал надвигающуюся беду… Еще и телефон отключил, будто действительно не хотел, чтобы помешали его общению с потенциальным адвокатом.

Лиза вышла из кухни, поднялась на второй этаж, достала свой телефон и, несмотря на поздний час, сама позвонила Мирошкину.

– Сережа? Разбудила? Извини… Ты ведешь дело Виноградовой? Ты был сегодня у Родионова? Искал его? Ясно… Я так и знала. Просто мы все это время были вместе. Я в том смысле, что он от тебя не прятался. При встрече я тебе

все объясню. Встретимся утром, если хочешь, у меня в офисе, мы будем с Родионовым. Там вы сможете спокойно поговорить. В прокуратуру? Сережа… Психологический фактор, да, и что в этом такого? Он и так напуган… Нет-нет, это не он, можешь мне поверить. Ты же знаешь – там наезд, ее убили… Он собирался на ней жениться… Да… Спасибо, Сережа. Еще раз извини. В девять тебя устроит? Отлично. Тогда до завтра.

Она вернулась в кухню. Перед Дмитрием на столе лежало два телефона.

– Включил?

– Да. Извините, что так получилось.

– Ничего. Завтра… Вернее, уже сегодня в девять мы должны встретиться с ним у меня в офисе. Вот там и поговорите. Надеюсь, Дима, ты помнишь обо всем, что я тебе сказала? О чем предупредила?

– Да, помню.

– А теперь давай с тобой поговорим. Постарайся вспомнить, были на Ирине драгоценности и какие именно.

– Да, были, конечно. Ведь мы же вернулись из гостей. Ирина вообще очень любила драгоценности… Хотя кто же их не любит… Очень красивые сережки с брильянтами, а в центре – сапфир. Точно такое же колье, еще перстень из этого же комплекта. И платиновый браслет, усыпанный брильянтами. Думаешь, ее убили из-за драгоценностей?

– Все узнаем сегодня утром. Так, уже кое-что проясняет-

ся. А сумочка при ней была?

– Была. Вы же, женщины, сходите с ума по каким-нибудь «Биркиным»… Вот и у нее тоже была сумка «Биркин». Вообще, некрасивая сумка. По моему мнению, так, ерунда какая-то, стоящая немыслимых денег…

– Какого цвета?

– Белого. На ней же было платье черное в белый горох… Брр… Не могу вспоминать все это без дрожи… Там, на столе, в морге, Ирина лежала уже без одежды… Но я видел…

– Тебе показывали ее одежду, понятно. Ты ее опознавал?

– Да… Разорванное платье, все в крови… Белье… Туфли.

– Ну, вот и ответь теперь – тебе предъявили ее драгоценности? Сумку?

– Нет… – Он вдруг замер, словно в голове его моментально прокрутились кадры из недавнего прошлого, в частности, сцена опознания вещей покойной в морге. – Нет-нет, ничего такого не было… Честно говоря, мне тогда было не до драгоценностей и уж тем более не до какой-то там сумки. У меня все плыло перед глазами. Я даже долго не мог понять, почему вся одежда в таком виде… А уж когда увидел тело… его изуродовали, словно сломали…

– Знаешь, Дима, может, тот факт, что при ней не оказалось драгоценностей и сумки, скорее всего, с деньгами, и сыграет в твою пользу. Следствие может выдвинуть версию убийства с целью ограбления. Хотя, с другой стороны, это могло быть элементарное мародерство. Это когда кто-то об-

наружил труп и обчистил его…

– Постой… У меня на самом деле что-то с памятью… Меня же спрашивали еще там, в морге, этот человек, который показывал мне ее одежду… Да, он спросил, были ли на ней какие-нибудь драгоценности, и я ответил, что, конечно, были… Господи, да что со мной такое происходит? Да-да, меня уже об этом спрашивали…

– У тебя шок. Ничего страшного. Это пройдет, – тихо заметила Глаша. Она испытывала к Родионову очень сложные чувства от какого-то тихого, сладкого восторга до жалости. В морге, увидев труп Ирины, она обратила внимание на ссадину в области темени, где волосы девушки были пропитаны кровью, а также синяк на скуле. Понятное дело, что и Лиза не могла этого не заметить. Но вряд ли такое ранение Ирина получила вследствие наезда машины. Глаша, отличавшаяся богатым воображением (плюс все то, что она услышала от перепуганного насмерть Родионова), очень хорошо представила себе сцену ссоры во дворе дома после того, как Дмитрий привез свою невесту домой. Понятное дело, что, вероятнее всего, он сдерживал себя в проявлении своих чувств там, у друзей, у которых они были в гостях, но, уж оставшись наедине с Ириной дома, не смог утерпеть, чтобы не съездить ей по физиономии. И это не она, а он наверняка оскорблял ее, обзывал разными словами и ударил по лицу. Быть может, даже и не один раз… Колесо машины не могло оставить на темени девушки такой след. Возможно, и на затылке тоже

имеется ссадина, если он взял в руки какой-нибудь предмет, которым и ударил ее. Она же не стояла перед ним как истукан в ожидании новой порции ударов. Вероятно, он бил ее. Глафира и сама не знала, откуда в ней родилось это устойчивое чувство. И, что удивительно, она ему сопереживала! И презирала! И снова это странное, охватившее ее чувство…

Да, конечно, он избил ее, после чего она, спасаясь от града ударов, выскочила со двора на улицу, побежала куда глаза глядят… Учитывая, что она была пьяна, да еще удары по голове, она мало что тогда соображала. Неслась по дороге, плача и рыдая, пока ее не сбила проезжавшая мимо машина. Водитель вышел, увидел, предположим, что она еще дышит, и решил добить ее. И сделал он это потому, что Ирина могла знать либо эту машину, либо водителя… Или просто за рулем сидел какой-то отморозок, без чувств, без сердца, и он просто-напросто испугался и, чтобы не рисковать, убил сбитую им женщину… Потом снова вышел из машины, чтобы убедиться, что она мертва, заметил на ней драгоценности, снял их, прихватив и сумку, после чего сел в машину и уехал. Дорога пустынная, к тому же ночь. Его никто не видел. Нет человека – нет проблемы.

Родионов же, помня, что избивал Ирину, теперь трясется от страха и ищет сочувствия у Лизы.

Да, он еще и телефоны свои отключил. Боялся допроса следователя. И правильно, между прочим, боялся. Одно

неверное слово – и все, Сережа его расколет…

С памятью у него что-то стало. Лжет…

– Дима, назови, пожалуйста, фамилию того парня, с которым целовалась Ирина.

– Туманов. Илья Туманов.

– Бизнесмен, говоришь?

– Ну да… Я иногда встречал его в компании Мусинцов.

– Он женат?

– Да, у него жена Женька.

– А теперь, если ты не возражаешь, мы с Глашей осмотрим дом.

– Да, пожалуйста!

Большой дом, много комнат, часть из которых были явно нежилыми. Чисто убранные, с аккуратно заправленными кроватями, зашторенными окнами, разве что таблички с гостиничными номерами на дверях отсутствовали. Не дом, а хорошо оборудованный в домашнем стиле отель с чудесными ванными комнатами, уютными холлами с диванами и ухоженными растениями, коврами и картинами. Чувствовалось, что хозяин очень любит дом и вкладывает туда с удовольствием и щедростью деньги.

– А у него хорошая домработница, – заметила Лиза, заглядывая в очередную спальню. – Все буквально вылизано. Но предлагаю тебе, Глаша, вернуться все же в спальню хозяев. Хотя Ирина и не успела стать его женой, но все же посели-

лась, жила здесь, возможно, начала вить гнездо… Кто знает, может, все эти картины и ковры были куплены с ее подачи…

Спальня хозяев была просторнее всех остальных. В ней присутствовал особый дух жизни. Словно комнату только что покинули ее обитатели. Слегка примятое покрывало на кровати, небольшой бумажный беспорядок на маленьком бюро, рассыпанная пудра на туалетном столике, розовые домашние тапочки на ковре возле кровати, нечто воздушное, кружевное на спинке кресла, раскрытая книга в изголовье… Пепельница с недокуренной сигаретой.

Лиза позвала Дмитрия. Сонный, он появился в дверях.

– Дима, а что, твоя домработница здесь не убирается?

– Ты что! Всегда убирается.

– Посмотри внимательно, разве ты не видишь, что тут не убрано?

– Ну, не знаю… Наверное, это я наследил… Может, вчера… Не знаю. Не помню.

– Это твое? – Она подняла и продемонстрировала ему женскую сорочку. – А сигареты? Ты куришь женские сигареты? И пудришься? Случайно вот пудру рассыпал…

– Нет-нет, это не я, конечно. Думаю, что Людмила просто не успела.

– Знаешь, Дима, я ничего против твоей Людмилы не имею, но, может, это Ирина ночью тут была, курила, припудривалась?

– Нет. Она здесь не была. И не спала. Видишь, покрывало слегка смято, но она не спала, может, присела…

– Хорошо. Покажи мне тогда комнату твоей Людмилы. У нее есть тут своя комната?

– Да, есть. Как ты понимаешь, комнат в доме много, вот я и выделил ей одну. Там она переодевается, отдыхает, когда устанет. Ванная есть… Да мало ли… Пойдемте, я вам покажу.

Комната Людмилы была вылизана, узкая постель заправлена, на полках ни пылинки. На тумбочке скромный светильник, в углу комнаты старый, с большим экраном телевизор. На столе – ноутбук.

– Какая у вас, Дмитрий, продвинутая домработница! С Интернетом, наверное, дружит.

– Да, у нас беспроводной… Мы же в деревне живем, – словно оправдывался Дмитрий, – поэтому я научил ее пользоваться компьютером, чтобы она заказывала продукты в интернет-магазине. Она и в игры иногда играет. Живой же человек.

– Хорошо. Вернемся к Ирине. Где она хранила свои документы? Драгоценности? В спальне?

– Она еще не окончательно сюда переехала. Поэтому все основное хранила у себя дома. У нее там, как она говорила, есть надежный сейф… Но здесь, вот в этой шкатулке, видите, у нее тоже полно золота… Господи, неужели ее больше

нет?!

– Ладно, Дима. На сегодня хватит. Как ты думаешь, уснешь или нет? Тебе просто необходимо выспаться… У меня с собой есть снотворное, всегда ношу с собой для таких вот случаев. Если хочешь, могу дать таблетку. Хотя бы отдохнешь. Если ты не забыл, в девять у нас встреча с Сергеем Мирошкиным.

– Да-да. Это я еще помню… Давай свою таблетку.

Лиза проводила Дмитрия спать, и они с Глафирой еще некоторое время провели на кухне, обмениваясь мнениями по поводу случившегося.

– Ты давно его знаешь? – спросила Глафира, включая электрический чайник. – И что ты вообще о нем знаешь? Я же вижу, что ты в душе уже заранее его защищаешь. Даже если завтра выяснится, что он убийца, ты все равно попытаешься его отмазать.

– Да, я знаю его давно. Он хороший знакомый моего мужа. Гурьев отзывался о нем как о порядочном человеке. У них когда-то были общие дела, возможно, Дмитрий выступал на процессе в качестве свидетеля… Я уж не помню точно. Но он бывал у нас дома, и мой Дима довольно много времени проводил вместе с ним в кабинете. Они о чем-то беседовали, договаривались ли, не знаю… Он всегда приходил к нам один, и у меня создалось впечатление, что он хороший такой карьерист… Милый, славный… Нет, Глаша, он не способен

на убийство, хоть ты и пытаешься меня сейчас убедить в обратном…

– Я просто хочу сказать, что эти его провалы в памяти – не что иное, как страх быть разоблаченным. К тому же, если ты еще не забыла, я в недавнем своем прошлом была замужем за Адамом, и мы с ним довольно часто разговаривали на разные темы, в том числе и о ревности. Так вот, он рассказал мне, какие муки испытывает мужчина, который ревнует. И что он в кризисные минуты способен на такие поступки, которые в обычном его состоянии ему не свойственны. Вот.

– Хочешь сказать, что Адам тебя так ревновал, что способен был убить?

– Не знаю, способен ли был убить, но ненавидеть жену в ту минуту, когда, к примеру, она в объятиях другого мужчины, это точно. Думаю, что и ударить мог. И твой Родионов тоже наверняка ее ударил… Впрочем, я тебе уже все рассказала о своих чувствах и подозрениях.

– Ладно, Глаша, остановимся пока на фактах, завтра они, надеюсь, прибавятся, и нам уже будет из чего выбирать – на чем остановить свое внимание, а что пропустить мимо…

– Загадками говоришь, Лиза.

– Ты тоже стала какая-то загадочная, и глаза у тебя блестят… Я понимаю тебя – он хорош собой, в нем есть что-то такое… Я заметила, ты не отрывала от него взгляда…

– Лиза, прекрати!

– Хорошо, Глашенька, пойдем спать. Дима сказал, что мы

можем выбрать любые комнаты.

– Вот увидишь, он тебе пообещает весь дом подарить, лишь бы ты его отмазала.

– Глаша, ты взяла с собой пижаму?

Глава 7

16 июля 2008 г.

Оля вернулась в палату, легла и отвернулась к стенке. На душе было так тяжело, так муторно, что даже слезы уже не помогали. Ей казалось, что мир вокруг нее весь упорядочен, что у каждого человека нормальная и, главное, правильная какая-то жизнь. Только не у нее. Ко всем женщинам в палате приходили родные, друзья, рассказывали о том, что у них дома, как они за них переживают, как ждут их возвращения. И все несли своим больным полные сумки продуктов, фруктов. Большинству женщин в послеоперационный период приходилось пользоваться личными, принесенными из дома, унитазными сиденьями, их им приносили упакованными в большие пакеты, и это было нормальным, естественным. Это было проявлением заботы со стороны близких. Больные есть больные. И только Оле никогда никто бы не принес эту интимную и такую необходимую для нее вещь. Не было у нее, получается, ни друзей, ни родственников, которые любили бы ее, заботились о ней. И не потому, что она какая-то не такая, а просто после того, что с ней произошло, ей и самой было стыдно перед знакомыми. Когда она оказалась на улице, когда сняла комнату у Валентины, бывшее ее окружение осталось в прошлом, подружки исчезли с ее горизонта, а сестра… Сестра вычеркнула ее из своей жизни. И, судя по

тому, что рассказала Валентина, навсегда.

Сейчас, когда прошло два года с тех пор, как все это случилось, она, пытаясь посмотреть на себя со стороны, приходила к выводу, что повела себя как ненормальная. Вернее, как полная дура. Что она, ослепленная чувствами к мужчине, предала в первую очередь, конечно, свою родную сестру. И что теперь удивляться, если Ирина не хочет ее ни видеть, ни слышать о ней? Она сама сделала все, чтобы случилось именно так, а не иначе. Ведь это ее стараниями, благодаря ее легкомыслию она оставила без жилья и себя, и Ирину. И это просто счастье, что у Ирины все сложилось в жизни удачно и есть крыша над головой. И пусть она потеряла любимого человека, он умер, зато у нее осталась квартира и куча денег.

Оля прочитала в своей жизни довольно много книг. И все они были преимущественно о любви. Сейчас, когда вся эта любовь осталась в прошлом, ей хотелось бы спросить авторов этих любовных романов: что хорошего в любви и тем более в страсти? И так ли уж важна в жизни любовь? Не важнее ли здоровье и деньги? Вот составляющие настоящего счастья. И никакие мужчины не нужны. Жаль, что она не писательница, а то написала бы роман о вреде любви, о том, что мужчинам нельзя верить. Что многие из них хорошие психологи и понимают, как сделать так, чтобы женщина отдала им последнее…

Его звали Борис. Они познакомились в парке. Старше ее на пятнадцать лет. Еврей-стоматолог. И фамилия красивая – Исаковских. Хорошо одет, лицо холеное, с румянцем. Носил длинное пальто с норковым воротником и малинового цвета узорчатое кашне. Шапка тоже норковая, новая, красивая. Ходил не спеша, дышал полной грудью, словно наслаждаясь каждой минутой жизни. В ресторанах заказывал семгу, грибы, жареного гуся. Пил дорогой коньяк. Ни в чем себе не отказывал. Говорил, что жизнь дается человеку одна и что все зло в суете. Что спешить нельзя, что спешка укорачивает жизнь, лишает ее особого аромата наслаждения. Уговаривал Олю пойти учиться на протезиста, говорил, что возьмет ее с собой в Петербург, где у него свой кабинет, что они будут работать вместе, что она станет хорошо зарабатывать, что они поженятся и их дети никогда ни в чем не будут нуждаться. Называл Олю красавицей, что у нее самые красивые ножки, особенно восхищался ее ступнями. Покупал ей дорогую обувь, подарил беличью шубку. Привозил ее к себе домой, где кормил самой дорогой колбасой и рыбой, поил розовым шампанским, угощал шоколадом, а перед сном целовал ее всю от макушки до пяток, приговаривая, что в жизни не был так счастлив.

В Олин родной город он приехал на полгода – решать свои наследственные дела. Одну квартиру он уже отсудил (ту, в которой принимал ее, прекрасная генеральская квартира с пятью комнатами и шестой – для прислуги), на очереди был

особняк в центре города, оставшийся ему в наследство от тетки.

Оля, в ту пору работавшая менеджером в магазине офисной техники и зарабатывавшая копейки, в свою квартиру Бориса не приглашала, считала, что, увидев обшарпанные стены и старую мебель, вытертые ковры и облезлые двери, он просто бросит ее, что она упадет в его глазах, посчитает, что сильно ошибся в ней. Ведь он называл Олю «принцессой», обращался к ней «моя леди» и настолько сильно приподнял в ее собственных же глазах, что ей и самой уже стало тошно бывать в своей квартире.

Квартира осталась им с сестрой от родителей. Большая, в центре города, но требовавшая хорошего, дорогого ремонта. Ирина обещала в скором времени заняться этим вопросом, говорила, что деньги есть, что это не проблема. Просто ей было тяжело после смерти Виктора вообще чем-либо заниматься. Она жила в его квартире и тоже ждала момента, когда сможет войти в права наследства. Дождалась, после чего, устав от нервотрепки, уехала на три месяца в Европу, к одной своей знакомой – чтобы прийти в себя, залечить душевные раны. Когда вернулась, роман Оли с Борисом был в самом разгаре.

Сестры встретились, Ирина попросила Олю рассказать о женихе: кто такой, откуда, чем занимается… Обычный разговор старшей сестры с младшей. Оля рассказала о Борисе, о том, как ей повезло, что она встретила такого солидного и

порядочного человека.

– А тебя не смущает, сестричка, что он старше тебя на целых пятнадцать лет? – спросила Ирина. – Не будет ли тебе скучно с ним?

Оля принялась делиться планами, касающимися ее профессиональной карьеры. Сказала, что еще молода, что обязательно, не без помощи Бориса, конечно, выучится на протезиста, что перед ней откроются такие перспективы… И что это даже замечательно, что он старше ее, умнее, опытнее. Что она обожает его!

Оля купила даже открытки с видами Петербурга, чтобы показать дом, где находится квартира Бориса.

– Вот, видишь, это сфинкс на Университетской набережной, а это Исаакиевский собор… Вот дом, кремовая такая стена, видишь? И окна… Это его окна, они как раз выходят на этого сфинкса… И мы с ним там будем жить! Подумаешь, пятнадцать лет! Да ты просто не видела, как он прекрасно выглядит!

Позже Борис и Ирина познакомились. Борис пригласил сестер в ресторан, угостил, они разговаривали весь вечер, и вот тогда-то впервые Оля и услышала внезапно возникшую идею Бориса продать квартиру сестер, чтобы купить квартиру в Питере, неподалеку от его дома. Он сказал, что в Питере есть квартиры, которые требуют ремонта и что хозяева этих квартир, преимущественно бедные пенсионеры, охотно продают эти «битые берлоги», чтобы переехать в новостройки

на самой окраине города…

– Ну что, он понравился тебе? – спрашивала Оля сестру после этого ужина. – Согласись, он выглядит лет на двадцать пять, никак не больше! Ну, уж сорок ему точно не дашь!

– Двадцать пять? Оля, ты точно в него влюблена… Нет, у него слишком взрослое лицо, а ты на его фоне смотришься просто как ребенок, – ответила Ирина. – И запомни, моя дорогая. Никаких с ним финансовых дел, поняла? Ты можешь выходить за него замуж, можешь переехать в Питер и учиться там на протезиста… Но нашу квартиру мы продавать не будем, забудь. Вот поживешь с ним, узнаешь поближе, выяснишь, тот ли он, за кого себя выдает, тогда и посмотрим…

– Ир! Ты что? Разве ты не поняла, что это за человек? Взрослый, практичный, умный! Да он все сможет, все сумеет! А еще… еще… Он любит меня! Он относится ко мне как к принцессе! Он ноги мне целует! Он подарил мне шубу! И духи!

– Оля, успокойся. Это замечательно, что ты любишь и он тебя любит, но голову-то терять зачем? Пусть все идет своим чередом. Поедешь с ним в Петербург, увидишь, где он живет, где работает. Познакомишься с его родными, друзьями, поймешь, что это за человек, из какой среды… Поступишь учиться, поймешь, нравится ли тебе эта профессия или нет. Не торопись. Что же касается нашей с тобой квартиры, то и здесь не думаю, что тебе надо спешить. Мало ли что в жиз-

ни бывает, может, у вас с ним не сложится, и ты вернешься сюда. А тут у тебя квартира. Я же обещала отремонтировать ее? Я свое обещание сдержу. Все будет хорошо. И не надо, чтобы он знал, что ты так уж любишь его. Будь посдержаннее в чувствах. Да и вообще… тебе нужен этот брак? Ты потеряешь свободу, понимаешь? Ты целыми днями будешь делать протезы, заглядывать в рот своим пациентам. Станешь жить по его указке…

– Ира, ну почему?

– Да потому, что он уже сформировавшийся человек, с определенным опытом. Это он тебе будет указывать, по каким правилам вы станете жить. Может, в семье и будут деньги, да только распоряжаться ими станет он, понимаешь? Я же видела его, разговаривала с ним, у него будто уже все распланировано заранее… Могу себе представить, какой порядок у него в квартире, возможно, у него есть и домработница… Ну не сам же он намывает свои квартиры… Что-то страшно мне за тебя. Вот был бы простой парень, твой ровесник… С ним все заново бы и начинали. В родном городе, где тебе все близко, знакомо, привычно. Поверь мне, это немало. А с этим Борисом… Тебе придется менять город, окружение… Там не будет меня. Не знаю, Оля…

А ей захотелось перемен. Чтобы в другом городе. С другим мужчиной. В другой среде. Другой квартире. Пусть дожди. Пусть даже временное одиночество. Пусть сначала бу-

дет трудно. Но они же любят друг друга! Все романы про любовь заканчиваются свадьбой. Пусть и эта история любви тоже закончится пышной свадьбой.

После этого разговора прошел целый месяц, прежде чем Борис снова поднял этот вопрос о продаже квартиры.

Оля была у него дома, они расположились в кровати и ели виноград. Было тепло, тихо, за окном шел дождь. Это были минуты настоящего счастья, когда жизнь впереди представлялась сказочной, полной любви и взаимопонимания.

– Ирина против, – призналась она. – Ни в какую не соглашается. А без нее никак нельзя.

– Да она бы потом сама тебе спасибо сказала!

Он говорил это таким уверенным тоном. И Оле так хотелось верить ему. На его фоне авторитет Ирины терялся.

– Но она все равно никогда не согласится. Это бесполезно. Я знаю свою сестру.

– Может, она и свадьбе нашей не рада? И я ей не понравился? Может, она не хочет тебе счастья? Просто завидует?

Господи! Она об этом даже не подумала. Зависть. Это она, Оля, завидовала ей с самого начала, когда у Иры закрутилось с Виктором Пшеничным. Богатый, молодой, красивый… С какой стороны ни посмотри на них – идеальная пара! Все прямо как в кино! Дорогие подарки, заграничные путешествия, а какие машины! Оля иногда даже заснуть не могла, все представляла себе, как Ирина живет с Виктором, как у

них внутри в их большой квартире, о чем они говорят, какую еду едят, какие наряды в шкафу сестры висят… Когда у человека много денег, он все может себе позволить.

После смерти Вити все в жизни Ирины изменилось. Да и она тоже стала какая-то другая. Холодная. Испуганная. Одинокая. Перестала с Олей откровенничать. Отстранилась от нее. Хорошо, что вообще согласилась тогда встретиться с Борисом, принять участие в судьбе Оли. Увидела, поняла, что он классный мужик, серьезный, с деньгами и любит Олю, позавидовала, быть может, тоже ночь не спала, все представляла себе новую жизнь сестры… А тут еще эта идея с продажей квартиры. Конечно, она будет против. «Это же невозможно, чтобы у меня все получилось!»

– Вообще-то, она не завистливая. У нее и так все есть. И за квартиру эту она не держится. У нее знаешь какая квартира… – вздохнула она.

– А я и говорю, что она просто счастью твоему хочет помешать, – сказал Борис, лаская обнаженное колено Оли. – Ее-то так вот никто не гладит, не любит…

– Борь, ну при чем здесь любовь? Мы же о квартире. Просто она считает, что мы с тобой еще недостаточно знакомы. Что нам сначала пожить надо какое-то время вместе, узнать друг друга получше, а потом уже и строить планы – что продавать, что покупать, где жить и так далее…

– Если бы я всю жизнь вот так тормозил, то ничего бы не добился, – сказал Борис. – И к тебе бы тоже не подошел.

Решительность – не самое плохое качество для мужчины.

– Но мы в любом случае ничего не сможем без нее сделать! У нас же квартира оформлена на двоих – на меня и на Ирину.

То, что произошло вскоре, она долго будет потом вспоминать как страшный сон.

Буквально через пару дней Борис пригласил ее, одурманенную волшебной перспективой новой петербургской жизни, в кафе, куда через несколько минут пришла женщина, удивительно похожая на Ирину. Разве что постарше, прокуренная насмерть и с гнилыми зубами. Когда она хихикала, на нее было страшно смотреть. Борис представил ее как Полину, сказал, что она в курсе и выполнит все, что от нее требуется. Оля, прижимая к себе сумочку, в которой лежал украденный у сестры паспорт (пришлось переночевать в прекрасной квартире сестры, чтобы раздобыть его и спрятать у себя), все еще сомневалась в правильности своего решения. Но ей стыдно было признаться себе, что в последнее время она странным образом боялась Бориса, что даже ласки его, которые она принимала еще недавно за любовь и страсть, вызывали у нее теперь какое-то отторжение и даже физическую боль.

Выпив по чашке кофе, все трое отправились в регистрационную палату, где их уже поджидал еще один человек, возможно, свой в доску риелтор, глядевший на Бориса по-соба-

чьи преданными глазами. Человек очень ловкий, быстрый, немногословный, но, судя по всему, отлично знавший свое дело. В договорной комнатке появились и покупатели квартиры, граждане по фамилии Елагины. Полина представилась Ириной Виноградовой, сестрой Ольги Виноградовой, лихо расписалась в документе (благо, что незатейливую роспись Ирины мог бы повторить даже первоклассник), и сделка, перепрыгнув закон, состоялась. Денежки Олей были получены, аккуратно пересчитаны и уложены в дорожную сумку. Работа была грубая, дерзкая, отчаянная, подлая. За одно утро Оля с сестрой лишились родительской квартиры. Вернее, не лишились. Чего это они лишились, когда денежки Оля получила, и деньги были настоящими, а не фальшивыми и находились в видимом пространстве. А это означало, что в любой момент она, в сущности, может передумать и, не потратив ни рубля, снова превратить их в квартиру, пусть другую. То есть поезд еще не ушел… Пока еще не ушел… Но уже был готов вот-вот пуститься в далекий туманный Петербург.

На самом же деле все обстояло не так уж и плохо. Полина исчезла где-то по дороге, риелтор вообще растворился в воздухе еще раньше покупателей, а Борис, подхватив свою невесту под локоть, привел ее в ресторан, где они и обмыли продажу квартиры, а заодно и начало новой жизни.

– Мне страшно что-то и холодно, – говорила, передергивая голыми плечами (Борис к тому времени уже приучил ее к ресторанам и открытым вечерним платьям), Оля. – А что,

если Ирина хватится своего паспорта?

– А ты прямо сегодня пойдешь к ней за чем-нибудь и незаметно вернешь паспорт на место.

– А что, если она захочет прийти ко мне, а у меня и дома-то нет…

– Покупатели что сказали? Что ты сможешь пожить у себя еще недельку-другую, что им не к спеху, ты же вещи не продала, не вывезла…

– А куда я их вывезу?

– Попроси своих знакомых подержать их у себя до поры до времени. А вообще-то, тебе же ничего не понадобится, дорогая. Как приедем в Питер, купим тебе все новое. Ты не переживай так. Это сейчас ты невеста, а когда мы с тобой распишемся и ты будешь моей законной женой, то мой дом автоматически станет твоим домом, моя мебель – твоей, ну и так далее. Другими словами, когда мы приедем в Петербург, тебе надо будет купить только одежду да какие-то мелочи… Не думаю, что тебе понадобится что-то из твоих старых вещей. Ну, может, фотографии, украшения… То, что дорого твоему сердцу.

Ее так и подмывало спросить его, не опасно ли оставлять сумку с деньгами у него дома, мало ли что… Может, безопаснее хранить их где-нибудь в автоматической камере хранения (как это происходит в фильмах) или банке, до отъезда? На самом деле, едва они вернулись из регистрационной палаты, Ольга думала лишь о деньгах, о том, что они не с ней

и что если Борис (тьфу-тьфу-тьфу, только бы он не оказался проходимцем! Господи помоги!) исчезнет вместе с деньгами, то она пропала. И вот теперь, после ресторана, он предлагает ей переночевать снова у Ирины. Это значит, что она всю ночь будет далеко от своих денег. И что деньги будут у Бориса. Если он мошенник, то что ему стоит исчезнуть вместе с ними?

Но выразить открыто свои опасения она, понятное дело, не посмела. И ее, пьяненькую, прямо в вечернем платье, Борис на такси отвез к Ирине.

Ирине Оля сказала, что через три дня они уезжают, что уже и билеты куплены, что она, в сущности, приехала попрощаться. Ирина снова выразила сомнение по поводу этого скоропалительного брака, снова предупредила, чтобы Оля не вступала с ним ни в какие финансовые отношения, не подписывала непонятных документов, не ввязывалась в кредиты и тому подобное, инструктировала как могла, предостерегая о возможной опасности. Оля же, стыдясь себя, даже своего неуверенного голоса, блеяла что-то о своей уверенности в женихе, расхваливала его, не глядя сестре в глаза, сама же с тихим ужасом представляла Бориса в роли жулика и внутренне холодела от того, что ее ожидает, когда она вернется… Пустая квартира и записка от любимого: ну и дура, мол, ты, Оля, плакали твои денежки.

Паспорт она, понятное дело, вернула на место. Ирина ничего не заметила. Сестры легли спать. А утром, наскоро по-

завтракав (кусок в горло не лез), Оля помчалась к Борису. И разрыдалась, когда он открыл ей дверь. Такой теплый, родной, домашний в шелковом халате, милый… Он обнял ее, спросил, все ли прошло благополучно, не заметила ли сестра пропажи паспорта. Оля успокоила его, сказала, что все в порядке, что она хочет есть, и попросила сварить ей кофе, пока она будет переодеваться. На самом же деле ей хотелось как можно скорее оказаться в спальне, где в платяном шкафу она оставила сумку с деньгами.

Распахнув шкаф, она сначала не могла поверить своим глазам: сумки не было!

Не чувствуя себя, своего тела, как призрак, она вошла в кухню, где Борис варил кофе. Все плыло перед глазами.

– Д-деньги… Они пропали… – прошептала она, чувствуя, как горло ее словно сжимает невидимая рука.

В кухне пахло кофе. Жизнь пока еще не остановилась. За окном пели птицы, от легкого ветра колыхались занавески. С улицы доносился обычный городской шум. И Борис выглядел спокойным и счастливым.

– Ты чего, заяц? – Он подошел к Оле и обнял ее. – Чего ты так испугалась? Пойдем, я покажу тебе твои денежки…

Он привел ее в гостиную, открыл секретер и показал ей ровные стопки денег.

– Да я просто переложил их сюда. Мы же завтра утром едем…

– Как утром? Ты же сказал, что через три дня…

– Завтра, завтра. Вот они, твои денежки. Просто еще раз пересчитал, вот и все! Знаешь, у моего брата была такая история. Он тоже вот так продавал квартиру, получил деньги, вроде все правильно, а когда пересчитал уже дома, оказалось, что не хватает порядка двадцати тысяч…

Но Оля его не слышала. Она стояла и смотрела на пачки денег, аккуратно разложенные по полкам секретера.

Она повернулась и крепко обняла Бориса. Она была благодарна ему за то, что он с ней, что не исчез с деньгами, не обманул ее, что он был ее реальностью и ее будущим.

Они целый день провели вместе. Спали, лежали обнявшись. Приготовили вместе вкусный ужин, поужинали, затем уложили вещи и легли спать. Утром оделись, вызвали такси и поехали на вокзал.

Борис не поскупился, взял СВ, прекрасное купе на двоих. Был ласков, нежен. Сумка с деньгами была надежно спрятана под сиденьем.

Он исчез неожиданно. Когда Оля окончательно успокоилась и чувствовала себя счастливой. Она вышла в туалет, а когда вернулась, поняла, что Бориса нет. Вероятно, он дожидался удобного случая, чтобы в купе, кроме него, никого не было, взял сумку и сбежал. Исчез. Прихватил даже палку колбасы, которая лежала на столике, и бутылку коньяку.

Или же его убили и обокрали. Но это уже сказочка для других юных дур…

Оля же до самого Питера сидела как оглушенная за столиком, смотрела в окно и видела лишь расплывчатый от слез унылый пейзаж собственной глупости…

Откуда ни возьмись полезло: а ведь он предлагал мне продавать мою квартиру, даже не видя ее! Значит, просто знал планировку, знал, что квартира в самом центре города, чудесная «генеральская» сталинка стоит дорого; да и шубку моль побила; и кольца не с брильянтами, а с хрусталем; и платья вечерние ношеные, наверняка он их украл из гардероба какой-нибудь бывшей актрисы… Вот исчез человек, и все вокруг превратилось в большую желтую тыкву… Нет золотой кареты. Нет бального платья. Нет стоматологических курсов. Нет петербургской квартиры. Нет мужа с красивой и загадочной фамилией «Исаковских»…

Есть только горечь предательства да несколько тысяч рублей наличных в сумочке, которых ей хватит, чтобы вернуться домой.

Еще есть стыд и позор.

Еще есть обманутая сестра, которая вряд ли ее простит.

Еще есть желание заснуть и не проснуться…

Через три дня, измученная, опухшая от слез, она вернулась в свой родной город, сразу же поехала к Ирине. Упала на колени и рассказала все как есть.

– У меня больше нет сестры, – сказала Ирина. Она побелела от волнения. Такого же цвета было ее лицо, когда она хоронила Виктора.

Ирина взяла ее за плечи, подняла и выставила вон за дверь.

– Никогда не приходи, не звони, не пиши. Все бесполезно. Ты подлая дрянь, и я тебя ненавижу. Ты продала меня за… – она грязно выругалась и сплюнула. – Пошла вон, идиотка!

Глава 8

18 июня 2011 г.

– Сережа, а они не могли там ничего напутать? Ну и что, что экспертиза? Сам посуди: одно дело – эти следы в холле, другое – на месте преступления… С чего ты решил, что это именно его кроссовки? Почва… Этого просто не может быть, понимаешь? И что теперь будет? Он не убивал, я это точно знаю. Ну не мог он, понимаешь? Либо это хорошо спланированное убийство, и его подставили, как это часто бывает, либо это просто совпадение, и рисунок подошвы кроссовок… Ладно, потом поговорим, при встрече…

Глаша смотрела на Лизу, говорящую с Мирошкиным, и понимала абсолютно все, о чем шла речь.

Мирошкин позвонил и сказал, что на месте преступления, на обочине дороги, ведущей из поселка «Волга» в город, в нескольких метрах от того места, где был обнаружен труп, найдены хорошо сохранившиеся отпечатки спортивной обуви сорок второго размера. Произведя в доме Дмитрия Родионова определенную работу, эксперты обнаружили и в холле, и на лестнице точно такие же следы. Имелись также показания свидетелей, соседей Родионова, о том, что в вечер убийства они видели и слышали Дмитрия и Ирину. Обычно тихая и кажущаяся счастливой пара никогда прежде так не скандалила. Это была не просто сцена ревности, соседка, живу-

щая рядом с Родионовым, утверждала, что лично слышала, как Дмитрий грозился убить Ирину, что обзывал ее самыми последними словами, а потом будто все стихло, и соседка, вероятнее всего, насмотревшись сериалов, решила, что женщину убили. Поэтому люди и не удивились, узнав, что мертвое тело девушки нашли в кустах, неподалеку от дороги…

Глафира принесла и поставила перед Лизой чашку с кофе.

– Ладно тебе, успокойся. Его же еще не арестовали. Подумаешь, отпечатки кроссовок! А может, это та самая женщина-травница, о которой рассказывал Дмитрий, была в кроссовках?

– Нет, они проверяли. Как сказал Мирошкин, весьма тщательно. Выяснилось, что Янина Вильк вообще не носит спортивную обувь и одежду и что никогда никто не видел ее даже в брюках! Что эта женщина – эталон женственности в поселке и носит платья, юбки и исключительно дорогую кожаную обувь – туфли или легкие ботинки (тридцать шестого размера) и что эти следы никоим образом не могут принадлежать ей. Другое дело, что ее сопровождала женщина, некая Татьяна Николаева, вот она-то как раз была в кроссовках, но только у нее нога очень маленькая, вообще редкий размер – тридцать пятый. Словом, эти следы могут принадлежат убийце или же случайному прохожему… Но тогда, спрашивает у меня Мирошкин, каким образом этот случайный человек оказался в доме у Родионова? У человека, который

ночью орал на свою девушку, а потом она внезапно замолчала и утром ее нашли мертвой?!

– Она замолчала, на мой взгляд, потому, что Родионов зашел в дом, и ей просто не с кем было разговаривать! Возможно, в этот момент во двор кто-то вошел, с кем она и вышла… Хотя и в это тоже верится с трудом.

– Еще Сергею не понравилось поведение Димы в самом начале. Он просто уверен, что Дима от него прятался. Боялся.

– И как ему видится это преступление?

– Они осмотрели дом, нашли пустую бутылку из-под виски, и Сергей решил, что Дима действительно зашел в дом, выпил, и его потянуло на подвиги. Что он сначала попытался найти Ирину в доме, не нашел, еще больше распалился-разозлился, вышел из дома и, возможно, увидел ее сидящей в беседке, на скамейке. Там вдоль дорожки растут цветы, и на земле обнаружили отпечаток туфли Ирины. К тому же прямо на дорожке, на гравии, три окурка от женских сигарет. Они в губной помаде. И хотя экспертиза этих окурков еще не произведена, но, по мнению Мирошкина, можно смело предположить, что эти сигареты выкурила именно Ирина – цвет помады совпадает с цветом помады, которой были накрашены губы Ирины.

– Оранжевая помада, она и в Африке оранжевая, – усмехнулась Глафира. – Не верю, чтобы Мирошкин уж так хорошо различал все тона помады. Ну что он мог увидеть на трупе?

Помаду? Разве что существуют фотографии крупным планом… Хотя кто еще мог там курить?

– Ну, предположил и предположил. Не думаю, чтобы он стал сравнивать ДНК Виноградовой с ДНК на сигаретах. Ладно, Глаша. У меня тут одна идея появилась. Что, если нам произвести некоторую реконструкцию нашей штаб-квартиры (а я нашу контору воспринимаю именно так) и сделать такую, замаскированную, скажем, под книжный шкаф, комнату, куда бы мы могли прятать своих клиентов? Вот, к примеру, Дима. Его точно надо прятать! Причем немедленно! Поселили бы мы его у нас, а там – душ с горячей водой и вообще все удобства. На воле, так сказать, он смог бы помочь нам куда больше, чем находясь в изоляторе. Нет, еще одна головная боль… Вот за что я всегда уважала Мирошкина, так это не за его оригинальность мышления, а за то, что он никогда не гонялся за погонами. Работает себе человек честно и работает. Ну да, у него много «висяков», но он не заводит дела на невиновных, не вешает на подозреваемых всех собак. Он объективен, понимаешь?

– Да, он объективен, Лиза. Он с Мусинцом разговаривал?

– Да, разговаривал…

– Тот ему рассказал о сцене ревности на кухне?

– Рассказал.

– Все как будто сходится, Лиза. Поэтому Мирошкин и засуетился, закружился вокруг твоего Димы.

– Так, ладно, я звоню. Скажу Диме, чтобы срочно приез-

жал к нам. В крайнем случае, поселю его у тебя. Ты сейчас у нас дама незамужняя, с тебя взятки, что называется, гладки. А ко мне нельзя, у меня ребенок, няня, да и муж может в любую минуту объявиться… Ты как, не против?

– Нет-нет, что ты… Звони!

В это мгновение раздался звонок в дверь. Лиза от неожиданности выронила из пальцев пустую чашку, которая чудом не разбилась о блюдце.

– Я же говорю – надо поменять звонок… Так и заикой можно стать, – Глафира направилась к двери.

– Моя фамилия Салова. Я – Людмила Салова, работаю у Дмитрия Сергеевича Родионова.

На пороге стояла молодая еще, полноватая женщина с перепуганным лицом. Светлый костюм, голубой, под цвет глаз, газовый шарфик на шее. Кудри растрепаны, щеки раскраснелись, вероятно, от быстрой ходьбы.

Глафира, быстро сообразив, кто перед ней, впустила женщину.

– А где сам Дмитрий Сергеевич?

– Да это вообще ужас какой-то! Хорошо, что он успел мне вашу визитку передать…

– Это не моя визитка. Елизавета Сергеевна Травина здесь, прошу! Лиза!

– Елизавета Сергеевна! – Салова бросилась к Лизе. – Дмитрия Сергеевича арестовали. Его увезли! Он и без того

был весь на взводе, словно ждал этого, но он никого не убивал! Все это – полный бред! Наша полиция, как всегда, охотится не за настоящими убийцами, а за теми, кто находится поближе. Елизавета Сергеевна, он мне ничего не успел сказать, просто сунул эту визитку и сказал, что вы все знаете.

– Так, стоп. Присаживайтесь, Людмила. Глаша, принеси, пожалуйста, воды. Итак. Давайте с самого начала. Диму… Дмитрия Сергеевича увезли? Кто?

– Полиция, кто же еще! – Людмила вытаращила свои голубые глаза. – Я пекла блины, когда они приехали. Увидела их в кухонное окно. Сразу все поняла.

– Что вы поняли?

– Что за Дмитрием Сергеевичем приехали. Я его предупреждала! Вам, говорю, надо уезжать. Куда-нибудь за границу, подальше отсюда, пока не поздно, пока не подписали эту… подписку о невыезде…

– Думаю, он ее подписал, – невольно вырвалось у Глаши. Она протянула Людмиле стакан с водой. Салова сделала несколько глотков.

– Спасибо… – Она задержала дыхание, приходя в себя. – Значит, так. Вы – адвокат. Пожалуйста, вытащите Дмитрия Сергеевича. Он ни в чем не виноват.

– А вы откуда знаете? Где вы были, кстати говоря, когда Родионов вместе с Ириной Виноградовой вернулись от гостей домой?

– К сожалению, меня не было там, я находилась дома. По-

этому я свидетель – никакой. К тому же я не знаю, когда они вернулись.

– Приблизительно в половине девятого.

– Я была дома, говорю же, где же еще? У меня двое маленьких детей, муж. Я уехала из поселка около шести часов. Все дела переделала и уехала.

– Людмила, раз уж вы пришли, может, ответите на несколько вопросов?

– Да, пожалуйста! Что вас интересует? Дмитрий Сергеевич – самый порядочный человек из всех, кого я когда-либо знала. Но что с девушками ему не везет, это правда…

– Людмила, – осторожно перебила ее Лиза. – Что вы можете рассказать об Ирине?

– Господи… Царство ей Небесное… – женщина быстро перекрестилась. – Да она такая хорошая была. Славная, милая, не знаю… Ко мне хорошо относилась, не командовала, как это иногда бывает… Конечно, она была избалована, считала, что я должна за ней постель убирать, так это и правильно. Меня затем и держат, чтобы я убирала за хозяевами. Может, мне первое время было и непривычно… Знаете, этот наш менталитет… Ну, вроде мы еще не привыкли к тому, что кто-то у нас слуга, кто-то господин. Но каждый человек должен знать свое место. Так вот. Я – знаю. Нет, вы не подумайте, у меня есть, конечно, гордость, и если бы меня оскорбляли, никогда бы не осталась работать в этом доме. Но я быстро привыкла к Ирине. И Дмитрий Сергеевич сказал

мне, что они поженятся, и что теперь работы прибавится, и я зарабатывать стану намного больше, и что мне надо будет найти общий язык с няней…

– Какой еще няней? Разве Ирина была беременна?

– Ой, нет, что вы! Это он так, вообще сказал. Ну, зачем люди женятся? Чтобы создать семью, чтобы детей рожать. Я говорю ему, так это же хорошо, что работы прибавится, а то, знаете, иногда все дела переделаю, даже скучно становится… Жила бы в городе, пробежалась бы по магазинам, какое-никакое, а разнообразие, а так – продукты мне теперь доставляют по Интернету. С одной стороны, очень удобно, а с другой – сижу сиднем, пройтись некуда…

– Какие отношения были между Ириной и Дмитрием Сергеевичем?

– Не скажу чтобы прекрасные, но нормальные. Он вообще мужчина суховатый. Лишний раз не улыбнется, не романтик, короче. Да и Ирина была такая же, они подходили друг другу. Но никогда не ругались, не ссорились. Дмитрий Сергеевич практически не повышал на нее голоса.

– Как вы думаете, они любили друг друга?

– Возможно. Во всяком случае, им было вдвоем хорошо. Да и Дмитрий Сергеевич как будто успокоился.

– У него до Ирины были девушки?

– Да, были.

– Он с ними ладил? Как они расставались?

– Вроде бы и ладил, но как-то быстро терял к ним интерес.

– Он делился с вами? Почему это происходило?

– Да, иногда говорил или даже не говорил, а знаете, ворчал, как старик. Вот, мол, все говорят «любовь, любовь», а где она, эта любовь? Вроде бы и девчонка симпатичная, и из хорошей семьи, и говорит, что любит, но такая преснятина, такая скука. Я ему всегда отвечала одно и то же, что, мол, вы, Дмитрий Сергеевич, просто еще не встретили вашу любовь. Уверяла его, что это непременно случится и что эта девушка необязательно будет из хорошей семьи. Что красивая, это да, он же любит все красивое, а потому и девушка у него должна быть очень красивая, вот как Ирина… Как они расставались? Как друзья. Хотя эти девушки, я думаю, переживали расставание болезненно. Думаю, что они любили его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.